

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Павел Бажов

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

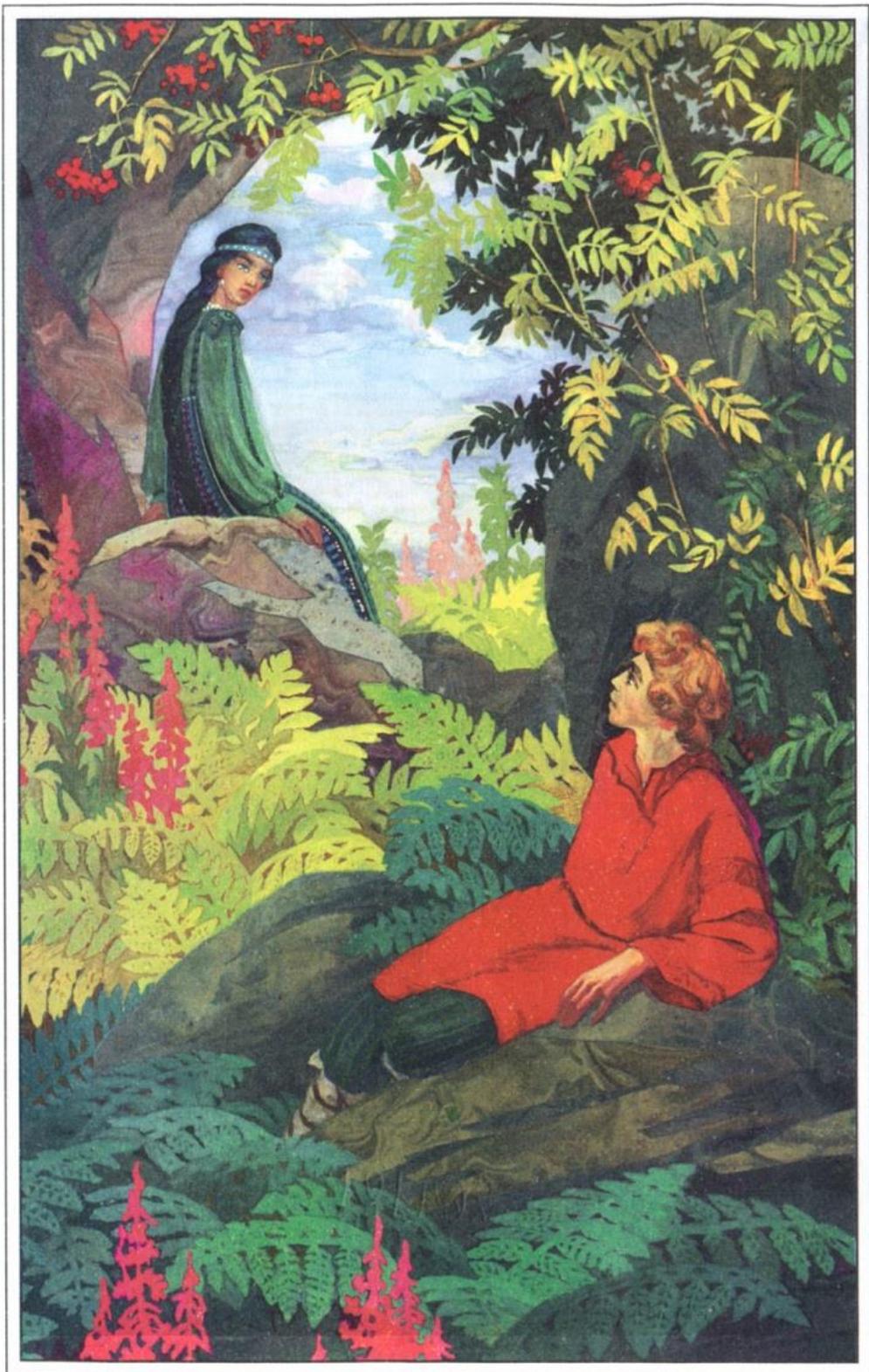
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Павел Бажов

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Художник
Вячеслав Назарук

Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то.

День праздничный был, и жарко – страсть. Парун¹ чистый. А оба в горе робили, на Гумешках то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже. Ну, когда и королёк с витком попадали и там протча, что подойдёт.

Один-от молодой парень был, неженатик, а уж в глазах зеленью отливать стало. Другой постарше. Этот и вовсе изробленный². В глазах зелено, и щёки будто зеленью подёрнулись. И кашлял завсе³ тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух лёгкий. Их, слышь-ко, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железну руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой, – ровно его кто под бок толкнул, – проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит.

Спиной к парню, а по косе видать – девка. Коса ссиза-чёрная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зелёные. Сквозь светуют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо – на месте не посидит. Вперёд наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнётся, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-

---

¹ Парун – жаркий день после дождя.

² Изробиться – выбиться из сил от непосильной работы, потерять силу, стать инвалидом.

³ Завсе – постоянно.

девка⁴. Слышать – лопочет что-то, а по-каковски – неизвестно, и с кем говорит – не видно. Только смешком всё. Весело, видно, ей.

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

– Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Её одёжа-то. Как я сразу не заметил? Отвела глаза косой-то своей.

А одёжа, и верно, такая, что другой на свете не найдёшь. Из шёлкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шёлк, хоть рукой погладить.

«Вот, – думает парень, – беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила». От стариков он, вишь, слышал, что Хозяйка эта – малахитница-то – любит над человеком мудровать.

Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой:

– Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-то ведь деньги берут. Иди-ка поближе. Поговорим маленько.

Парень испужался, конечно, а виду не оказывает. Крепитя. Хоть она и тайна сила, а всё-таки девка. Ну, а он парень – ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть.

– Некогда, – говорит, – мне разговаривать. Без того проспали, а траву смотреть пошли.

Она посмеивается, а потом говорит:

– Будет тебе наигрыш вести. Иди, говорю, дело есть.

Ну, парень видит – делать нечего. Пошёл к ней, а она рукой маячит, обойди-де руду-то с другой стороны. Он и обошёл и видит – ящерок тут несчисленно. И всё, слышь-ко, разные. Одни, например, зелёные, другие голубые, которые в синь впадают, а то как глина либо песок с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а

---

⁴ Артуть – ртуть. Артуть-девка – подвижная, быстрая.

другие, как трава поблѣклая, а которые опять узорами изукрашены.

Девка смеётся.

– Не расступи, – говорит, – моё войско, Степан Петрович. Ты вон какой большой да тяжѣлый, а они у меня малыньки. – А сама ладошками схлопала, ящерики и разбежались, дорогу дали.

Вот подошёл парень поближе, остановился, а она опять в ладошки схлопала да и говорит, и всё смехом:

– Теперь тебе ступить некуда. Раздавишь мою слугу – беда будет.

Он поглядел под ноги, а там и земли незнатно. Все ящерики-то сбились в одно место, – как пол узорчатый под ногами стал. Глядит Степан – батюшки, да ведь это руда медная! Всяких сортов и хорошо отшлифована. И слюдка тут же, и обманка, и блѣски всякие, кои на малахит походят.

– Ну, теперь признал меня, Степанушко? – спрашивает малахитница, а сама хохочет-заливается.

Потом, мало погодя, и говорит:

– Ты не пужайся. Худого тебе не сделаю.

Парню забедно⁵ стало, что девка над ним насмехается да ещё слова такие говорит. Сильно он осердился, закричал даже:

– Кого мне бояться, коли я в горе роблю!

– Вот и ладно, – отвечает малахитница. – Мне как раз такого и надо, который никого не боится. Завтра, как в гору спускаться, будет тут ваш заводской приказчик⁶, ты ему скажи, да смотри не забудь слов-то:

«Хозяйка, мол, Медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Еже-

---

⁵ Забедно – обидно.

⁶ Приказчик – представитель владельца на заводе, главное лицо; впоследствии таких доверенных людей называли по отдельным заводам управителями, а по округам – управляющими.

ли ещё будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак её не добыть».

Сказала это и прищурилась:

– Понял ли, Степанушко? В горе, говоришь, робишь, никого не боишься? Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори. Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать. И так вон лазоревке сказала, чтоб она ему маленько пособила.

И опять похлопала в ладошки, и все ящерики разбежались, Сама тоже на ноги вскочила, прихватила рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерица, побежала по камню-то. Вместо рук-ног – лапы у её зелёные стали, хвост высунулся, по хребтине до половины чёрная полоска, а голова человечья. Забежала на вершину, оглянулась и говорит:

– Не забудь, Степанушко, как я говорила. Велела, мол, тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Сделаешь по-моему, замуж за тебя выйду!

Парень даже сплюнул в горячах:

– Тьфу ты, погань какая! Чтоб я на ящерице женился.

А она видит, как он плюётся, и хохочет.

– Ладно, – кричит, – потом поговорим. Может, и надумаешь?

И сейчас же за горку, только хвост зелёный мелькнул.

Парень остался один. На руднике тихо. Слышно только, как за грудкой руды другой-то похрапывает. Разбудил его. Сходили на свои покосы, посмотрели траву, к вечеру домой воротились, а у Степана на уме: как ему быть? Сказать приказчику такие слова – дело не малое, а он ещё, – и верно, – душной был – гниль какая-то в нутре у него, говорят, была. Не сказать – тоже боязно. Она ведь Хозяйка. Какую хошь руду может в обманку перекинуть. Выполняй тогда уроки-то. А хуже того, стыдно перед девкой хвастуном себя оказать.

Думал-думал, насмелился:

– Была не была, сделаю, как она велела.

На другой день поутру, как у спускового барабана народ собрался, приказчик заводской подошёл. Все, конечно, шапки сняли, молчат, а Степан подходит и говорит:

– Видел я вечер Хозяйку Медной горы, и заказывала она тебе сказать. Велит она тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Ежели ты ей эту железную шапку спортишь, так она всю медь на Гумешках туда спустит, что никому не добыть.

У приказчика даже усы затряслись.

– Ты что это? Пьяный али ума решился? Какая хозяйка? Кому ты такие слова говоришь? Да я тебя в горе сгною!

– Воля твоя, – говорит Степан, – а только так мне веле-но.

– Выпороть его, – кричит приказчик, – да спустить в гору и в забое⁷ приковать! А чтобы не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что – драть нещадно!

Ну, конечно, выпороли парня и в гору. Надзиратель рудничный, – тоже собака не последняя, – отвёл ему забой – хуже некуда. И мокро тут, и руды доброй нет, давно бы бросить надо. Тут и приковали Степана на длинную цепь, чтобы, значит, работать можно было. Известно, какое время было, – крепость⁸. Всяко галились⁹ над человеком. Надзиратель ещё и говорит:

– Прохладись тут маленько. А уроку с тебя будет чистым малахитом столько-то, – и назначил вовсе несооб-разно.

Делать нечего. Как отошёл надзиратель, стал Степан

---

⁷ Забой – место в руднике, где вырубает руду, каменный уголь.

⁸ Крепость – крепостная пора, крепостничество.

⁹ Галиться – издеваться, мучить с издёвкой.

каёлкой¹⁰ помахивать, а парень всё-таки проворный был. Глядит – ладно ведь. Так малахит и сыплется, ровно кто его руками подбрасывает. И вода куда-то ушла из забоя. Сухо стало.

«Вот, – думает, – хорошо-то. Вспомнила, видно, обо мне Хозяйка».

Только подумал, вдруг звосияло. Глядит, а Хозяйка тут, перед ним.

– Молодец, – говорит, – Степан Петрович. Можно чести приписать. Не испужался душного козла. Хорошо ему сказал. Пойдём, видно, моё приданое посмотреть. Я тоже от своего слова не отпорна.

А сама принахмурилась, ровно ей это нехорошо. Схлопала в ладошки, ящерки набежали, со Степана цепь сняли, а Хозяйка им распорядок дала:

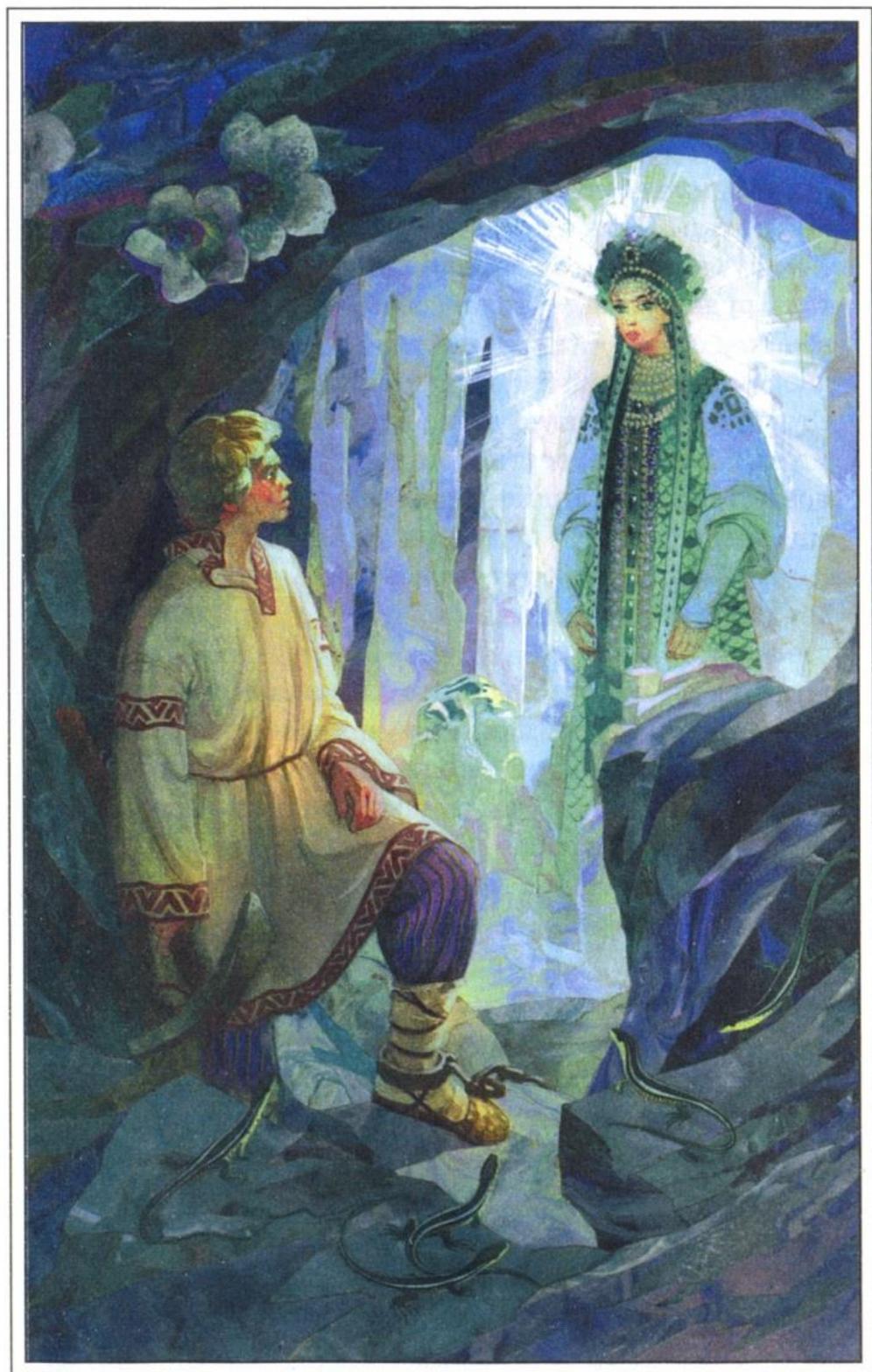
– Урок тут наломайте вдвое. И чтобы наотбор малахит был, шёлкового сорту. – Потом Степану говорит: – Ну, женишок, пойдём посмотреть моё приданое.

И вот пошли. Она впереди, Степан за ней. Куда она идёт – всё ей открыто. Как комнаты большие под землёй стали, а стены у них разные. То все зелёные, то жёлтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медные. Синие тоже есть, лазоревые. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя. И платье на ней – на Хозяйке-то – меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью засверкает, либо скрасна-медным станет, потом опять шёлком зелёным отливает. Идут-идут, остановилась она.

– Дальше, – говорит, – на многие вёрсты желтяки да серяки с крапинкой пойдут. Что их посмотреть? А это вот под самой Красногоркой мы. Тут у меня после Гумешек самое дорогое место.

---

¹⁰ Каёлка, кайло, кайла – инструмент, которым горнорабочие отбивают, откалывают руду.

И видит Степан огромную комнату, а в ней постели, столы, табуреточки – все из корольковой меди. Стены малахитовые с алмазом, а потолок тёмно-красный под чернетью, а на ём цветки медны.

– Посидим, – говорит, – тут, поговорим.

Сели это они на табуреточки, малахитница и спрашивает:

– Видал моё приданое?

– Видал, – говорит Степан.

– Ну, как теперь насчёт женитьбы?

А Степан и не знает, как отвечать. У него, слышь-ко, невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна. Ну, конечно, против малахитницы где же ей красотой равняться! Простой человек, обыкновенный. Помялся-помялся Степан да и говорит:

– Приданое у тебя царям впору, а я человек рабочий, простой.

– Ты, – говорит, – друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берёшь меня замуж али нет? – И сама вовсе принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки:

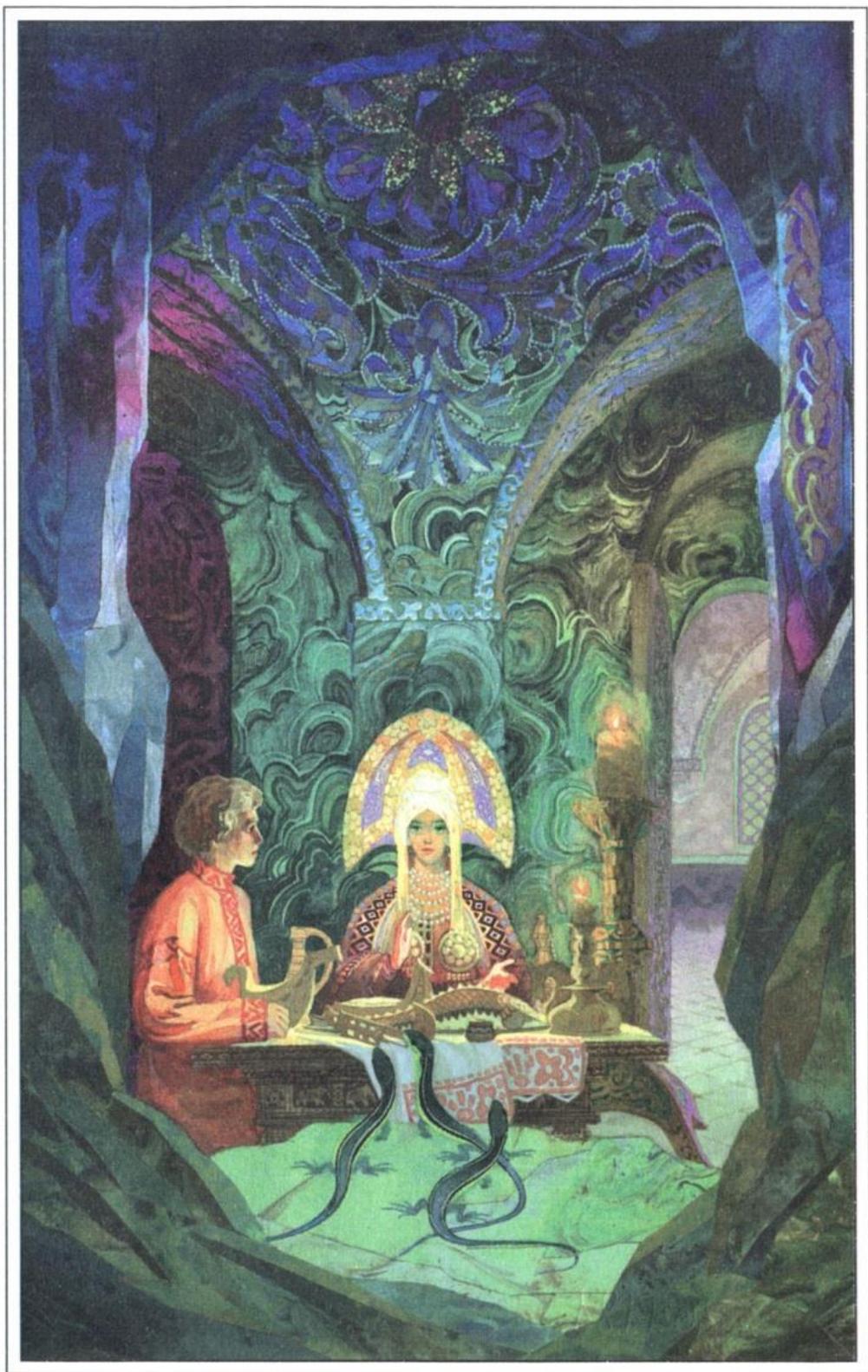
– Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась.

– Молодец, – говорит, – Степанушко. За приказчика тебя похвалила, а за это вдвое похвалю. Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку. – А у парня верно невесту-то Настей звали. – Вот, – говорит, – тебе подарочек для твоей невесты, – и подаёт большую малахитовую шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча, что даже не у всякой богатой невесты бывает.

– Как же, – спрашивает парень, – я с эким местом наверх подымусь?

– Об этом не печалься. Всё будет устроено, и от при-

казчика тебя вызволю, и жить безбедно будешь со своей молодой женой, только вот тебе мой сказ – обо мне, чур, потом не вспоминай. Это третье тебе моё испытание будет. А теперь давай поешь маленько.

Схлопала опять в ладошки, набежали ящерики – полон стол установили. Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим, что по русскому обряду полагается. Потом и говорит:

– Ну, прощай, Степан Петрович, смотри не вспоминай обо мне. – А у самой слёзы. Она это руку подставила, а слёзы кап-кап и на руке зёрнышками застывают. Полнёхонька горсть. – На-ка вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь, – и подаёт ему.

Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая, и трясётся маленько.

Степан принял камешки, поклонился низко и спрашивает:

– Куда мне идти? – А сам тоже невесёлый стал.

Она указала перстом, перед ним и открылся ход, как штольня, и светло в ней, как днём. Пошёл Степан по этой штольне, – опять всяких земельных богатств нагляделся и пришёл как раз к своему забою. Пришёл, штольня и закрылась, и всё стало по-старому. Ящерица прибежала, цепь ему на ногу приладила, а шкатулка с подарками вдруг маленькая стала, Степан и спрятал её за пазуху. Вскоре надзиратель рудничный подошёл. Посмеяться ладил, а видит – у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, сорт сортом. «Что, думает, за штука? Откуда это?» Полез в забой, осмотрел всё да и говорит:

– В эком-то забое всяк сколь хошь наломает. – И повёл Степана в другой забой, а в этот своего племянника поставил.

На другой день стал Степан работать, а малахит так и отлетает, да ещё королёк с витком попадать стали, а у того

– у племянника-то – скажи на милость, ничего доброго нет, всё обальчик¹¹ да обманка идёт. Тут надзиратель и сметил дело¹². Побежал к приказчику. Так и так.

– Не иначе, – говорит, – Степан душу нечистой силе продал.

Приказчик на это и говорит:

– Это его дело, кому он душу продал, а нам свою выгоду поиметь надо. Пообещай ему, что на волю выпустим, пушай только малахитовую глыбу во сто пуд найдёт.

Велел всё-таки приказчик расковать Степана и приказ такой дал – на Красногорке работы прекратить.

– Кто, – говорит, – его знает? Может, этот дурак от ума тогда говорил. Да и руда там с медью пошла, только чугу-ну порча.

Надзиратель объявил Степану, что от его требуется, а тот ответил:

– Кто от воли откажется? Буду стараться, а найду ли – это уж как счастье моё подойдёт.

Вскорости нашёл им Степан глыбу такую. Выволокли её наверх. Гордятся – вот-де мы какие, а Степану воли не дали. О глыбе написали барину, тот и приехал из самого, слышь-ко, Сам-Петербурху¹³. Узнал, как дело было, и зовёт к себе Степана.

– Вот что, – говорит, – даю тебе своё дворянское слово отпустить тебя на волю, ежели ты мне найдёшь такие малахитовые камни, чтобы, значит, из них вырубить столбы не меньше пяти сажен длиной.

Степан отвечает:

– Меня уж раз оплели. Учёный я ноне. Сперва вольную пиши, потом стараться буду, а что выйдет – увидим.

Барин, конечно, закричал, ногами затопал, а Степан одно своё:

---

¹¹ Обальчик – пустая порода.

¹² Сметить дело – смекнуть, в чём дело.

¹³ Сам-Петербурх – искажённое Санкт-Петербург.

– Чуть было не забыл – невесте моей тоже вольную пропиши, а то что это за порядок – сам буду вольный, а жена в крепости.

Барин видит – парень не мягкий. Написал ему актовую бумагу.

– На, – говорит, – только старайся смотри.

А Степан всё своё:

– Это уж как счастье поищет.

Нашёл, конечно, Степан. Что ему, коли он всё нутро горы вызнал и сама Хозяйка ему пособляла. Вырубили из этой малахитины столбы, какие им надо, выволокли наверх, и барин их на приклад в самую главную церкву в Сам-Петербурхе отправил. А глыба та, которую Степан сперва нашёл, и посеичас в нашем городе, говорят. Как редкость её берегут.

С той поры Степан на волю вышел, а в Гумешках после того всё богатство ровно пропало. Много-много лазоревка идёт, а больше обманка. О корольке с витком и слыхом не слышать стало, и малахит ушёл, вода долить¹⁴ стала. Так с той поры Гумешки на убыль и пошли, а потом их вовсе затопило. Говорили, что это Хозяйка огневалась за столбы-то, слышь-ко, что их в церкву поставили. А ей это вовсе ни к чему.

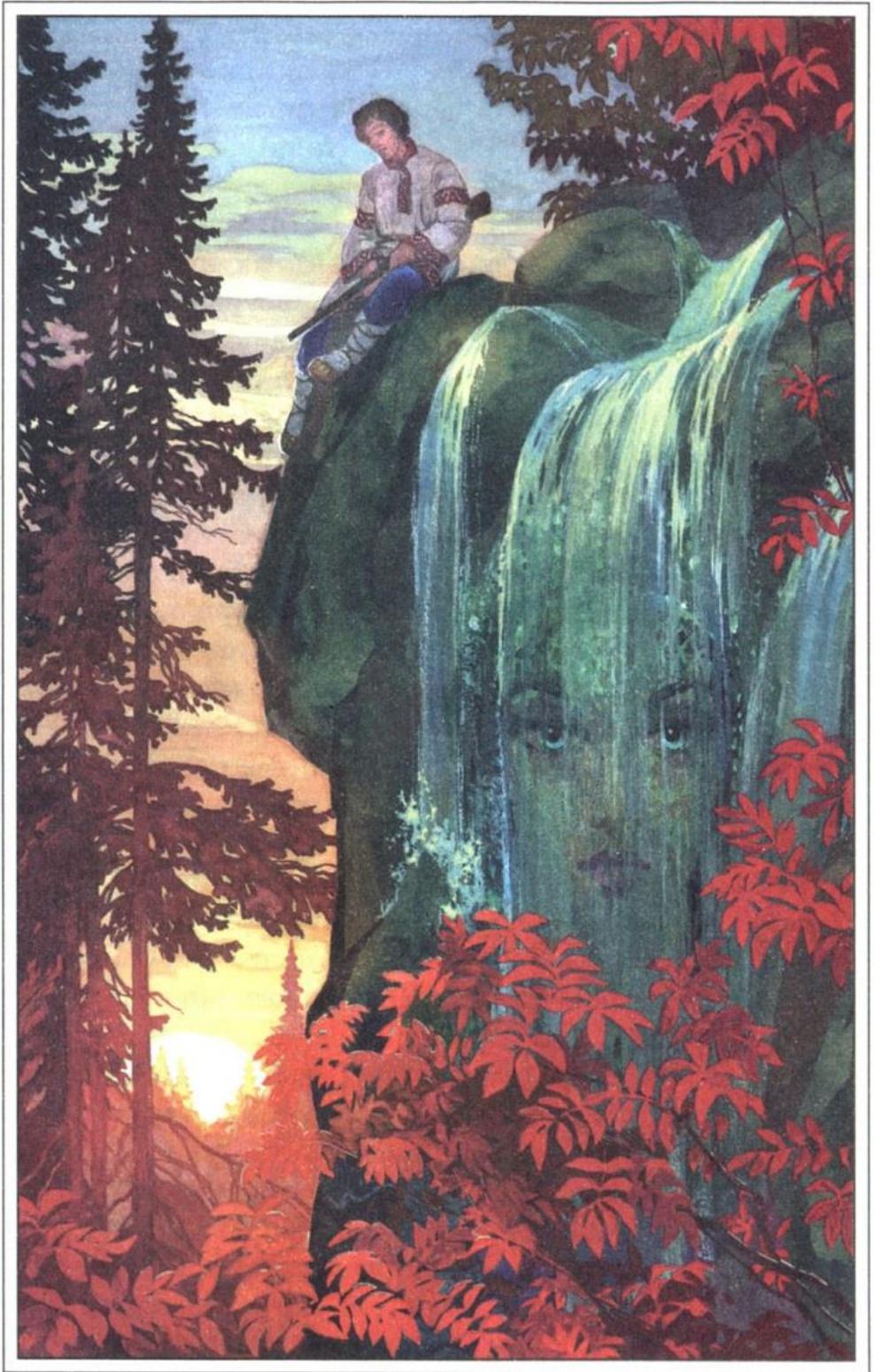
Степан тоже счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завёл, дом обстроил, всё как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невесёлый стал и здоровьем хезнул¹⁵. Так на глазах и таял.

Хворый-то придумал дробовичок завести и на охоту повадился. И всё, слышь-ко, к Красногорскому руднику ходит, а добычи домой не носит. В осенях ушёл так-то, да и с концом. Вот его нет, вот его нет... Куда девался? Сбили, конечно, народ, давай искать. А он, слышь-ко, на руд-

---

¹⁴ Долить – одолевать; долить приняла – стала одолевать.

¹⁵ Хезнуть – ослабеть, слабость.

нике у высокого камня мёртвый лежит, ровно улыбается, и ружьишечко у него тут же в сторонке валяется, не стрелено из него. Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зелёную видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало.

Сидит будто над покойником, голову подняла, а слёзы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали – она на камень, только её и видели. А как покойника домой привезли да обмывать стали – глядят: у него одна рука накрепко зажата, и чуть видно из неё зёрнышки зелёненькие. Полнёхонька горсть. Тут один знающий случился, поглядел сбоку на зёрнышки и говорит:

– Да ведь это медный изумруд! Редкостный камень, дорогой. Целое богатство тебе, Настасья, осталось. Откуда только у него эти камешки?

Настасья жена-то его – объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал. Шкатулку вот дарил ей, когда ещё женихом был. Большую шкатулку, малахитову. Много в ей добренького, а таких камешков нету. Не видывала.

Стали те камешки из мёртвой Степановой руки доставать, а они и рассыпались в пыль. Так и не дознались в ту пору, откуда они у Степана были. Копались потом на Красногорке. Ну, руда и руда, бурая с медным блеском. Потом уж кто-то вызнал, что это у Степана слёзы Хозяйки Медной горы были. Не продал их, слышь-ко, никому, тайно от своих сохранял, с ними и смерть принял. А?

Вот она, значит, какая Медной горы Хозяйка!

Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало.

У Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитова осталась. Со всяким женским прибором. Кольца там, серьги и протча по женскому обряду. Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он ещё жениться собирался.

Настасья в сиротстве росла, не привыкла к экому-то богатству, да и не шибко любительница была моду выводить. С первых годов, как жили со Степаном, надёвывала, конечно, из этой шкатулки. Только не к душе ей пришлось. Наденет кольцо... Ровно как раз впору, не жмёт, не скатывается, а пойдёт в церкву или в гости куда – замается. Как закованный палец-то, в конце нали¹⁶ посинеет. Серьги навесит – хуже того. Уши так оттянет, что мочки распухнут. А на руку взять – не тяжелее тех, какие Настасья всегда носила. Буски в шесть ли семь рядов только раз и примерила. Как лёд кругом шеи-то, и не согреваются нисколько. На люди те буски вовсе не показывала. стыдно было.

– Ишь, скажут, какая царица в Полевой выискалась!

Степан тоже не понуждал жену носить из этой шкатулки. Раз даже как-то сказал:

– Убери-ко куда от греха подальше.

Настасья и поставила шкатулку в самый нижний сундук, где холсты и протча про запас держат.

Как Степан умер да камешки у него в мёртвой руке оказались, Настасье и причтелось¹⁷ ту шкатулку чужим людям показать. А тот знающий, который про Степановы камешки обсказал, и говорит Настасье потом, как народ схлынул:

– Ты гляди, не мотни эту шкатулку за пустяк. Больших тысяч она стоит.

---

¹⁶ Нали – даже.

¹⁷ Причтелось – пришлось.

Он, этот человек-от, учёной был, тоже из вольных. Ране-то в щегарях¹⁸ ходил, да его отстранили: ослабу-де народу даёт. Ну, и винцом не брезговал. Тоже добра кабацка затычка был, не тем будь помянут, покойна головушка. А так во всём правильный. Прошенье написать, пробу смыть, знаки оглядеть – всё по совести делал, не как иные протчие, абы на полштофа сорвать. Кому-кому, а ему всяк поднесёт стаканушку праздничным делом. Так он на нашем заводе и до смерти дожил. Около народа питался.

Настасья от мужа слыхала, что этот щегарь правильный и в делах смышлёный, даром что к винишку пристрастье поимел. Ну, и послушалась его.

– Ладно, – говорит, – поберегу на чёрный день. – И поставила шкатулку на старо место.

Схоронили Степана, сорочины отправили честь честью. Настасья – баба в соку, да и с достатком, стали к ней присватываться. А она, женщина умная, говорит всем одно:

– Хоть золотой второй, а всё робятам вотчим.

Ну, отстали по времени.

Степан хорошее обеспечение семье оставил. Дом справный¹⁹, лошадь, корова, обзаведенье полное. Настасья баба работающая, робятишки пословные²⁰, не охтимнеченьки живут²¹. Год живут, два живут, три живут. Ну, забеднели всё-таки. Где же одной женщине с малолетками хозяйство управить! Тоже ведь и копейку добыть где-то надо. На соль хоть. Тут родня и давай Настасье в уши напевать:

– Продай шкатулку-то! На что она тебе? Что впусте

---

¹⁸ Щегарь – штейгер, горный мастер.

¹⁹ Справный – исправный, зажиточный; справа – одежда, внешний вид. Одежонка справная – то есть неплохая. Справно живут – зажиточно. Справа-то у ней немудренькая – одежонка плохая.

²⁰ Пословный – послушный, кто слушается «по слову», без дополнительных понуканий, окриков.

²¹ Не охтимнеченьки живут – без затруднений, без горя, спокойно.

добру лежать! Всё едино и Танюшка, как вырастет, носить не будет. Вон там штучки какие! Только барам да купцам впору покупать. С нашим-то ремьём²² не наденешь эко место. А люди деньги бы дали. Разоставок²³ тебе.

Однем словом, наговаривают. И покупатель, как ворон на кости, налетел. Из купцов всё. Кто сто рублей даёт, кто двести.

– Робят-де твоих жалеем, по вдовьему положению нисхождение делаем.

Ну, оболванить ладят бабу, да не на ту попали.

Настасья хорошо запомнила, что ей старый щегарь говорил, не продаёт за такой пустяк. Тоже и жалко. Как-никак женихово подаренье, мужнина память. А пуще того девчоночка у ней младшенькая слезами улилась, просит:

– Мамонька, не продавай! Мамонька, не продавай! Лучше я в люди пойду, а тятину памятку побереги.

От Степана, вишь, осталось трое робятишек-то. Двое парнишечки. Робята как робята, а эта, как говорится, ни в мать, ни в отца. Ещё при Степановой бытности, как вовсе маленькая была, на эту девчоночку люди дивовались. Не то что девки-бабы, а и мужики Степану говорили:

– Не иначе эта у тебя, Степан, из кистей²⁴ выпала. В кого только зародилась! Сама чёрненька да бассенька²⁵, а глазки зелёненьки. На наших девчонок будто и вовсе не походит.

Степан пошутит, бывало:

– Это не диво, что чёрненька. Отец-то ведь с малых лет

---

²² Ремьё, ремки – лохмотья, отрепье. Ремками трясти – ходить в плохой одежде, в рваном, в лохмотьях.

²³ Разоставок – то, чем можно расставить ткань: вставка, клин, лоскут, в переносном смысле – подспорье, прибавок, подмога.

²⁴ Из кистей выпала. – Раньше на Урале в сельских местностях и в городских посёлках женщины в большие праздники надевали поверх сарафана пояса, вытканые из чистого разноцветного гаруса. Мужчины тоже носили такие пояса, только они были чуть поуже, а кисти покороче. Красивая девочка сравнивается с гарусинкой, выпавшей из кистей такого пояса. (Примеч. В. А. Бажовой.)

²⁵ Бассенький, -ая – красивенький, -ая.

в земле скрыркался²⁶. А что глазки зелёные – тоже дивить не приходится. Мало ли я малахиту барину Турчанинову набил. Вот памятка мне и осталась.

Так эту девчоночку Памяткой и звал. «Ну-ка ты, Памятка моя!» И когда случалось ей что покупать, так всегда голубенького либо зелёного принесёт.

Вот и росла та девчоночка на примете у людей. Ровно и всамделе гарусинка из праздничного пояса выпала – далеко её видно. И хоть она не шибко к чужим людям ластилась, а всяк ей – Танюшка да Танюшка. Самые завидующие бабёшки и те любовались. Ну, как, – красота! Всякому мило. Одна мать повздыхивала:

– Красота-то – красота, да не наша. Ровно кто подменил мне девчонку.

По Степану шибко эта девчоночка убивалась. Чисто уревелась вся, с лица похудела, одни глаза остались. Мать и придумала дать Танюшке ту шкатулку малахитову – пушай-де позабавится. Хоть маленькая, а девчоночка, – с малых лет им лестно на себя-то навздевать. Танюшка и занялась разбирать эти штучки. И вот диво – которую примеряет, та и по ней. Мать-то иное и не знала к чему, а эта всё знает. Да ещё говорит:

– Мамонька, сколь хорошо тятино-то подаренье! Тепло от него, будто на пригревинке сидишь, да ещё кто тебя мягким гладит.

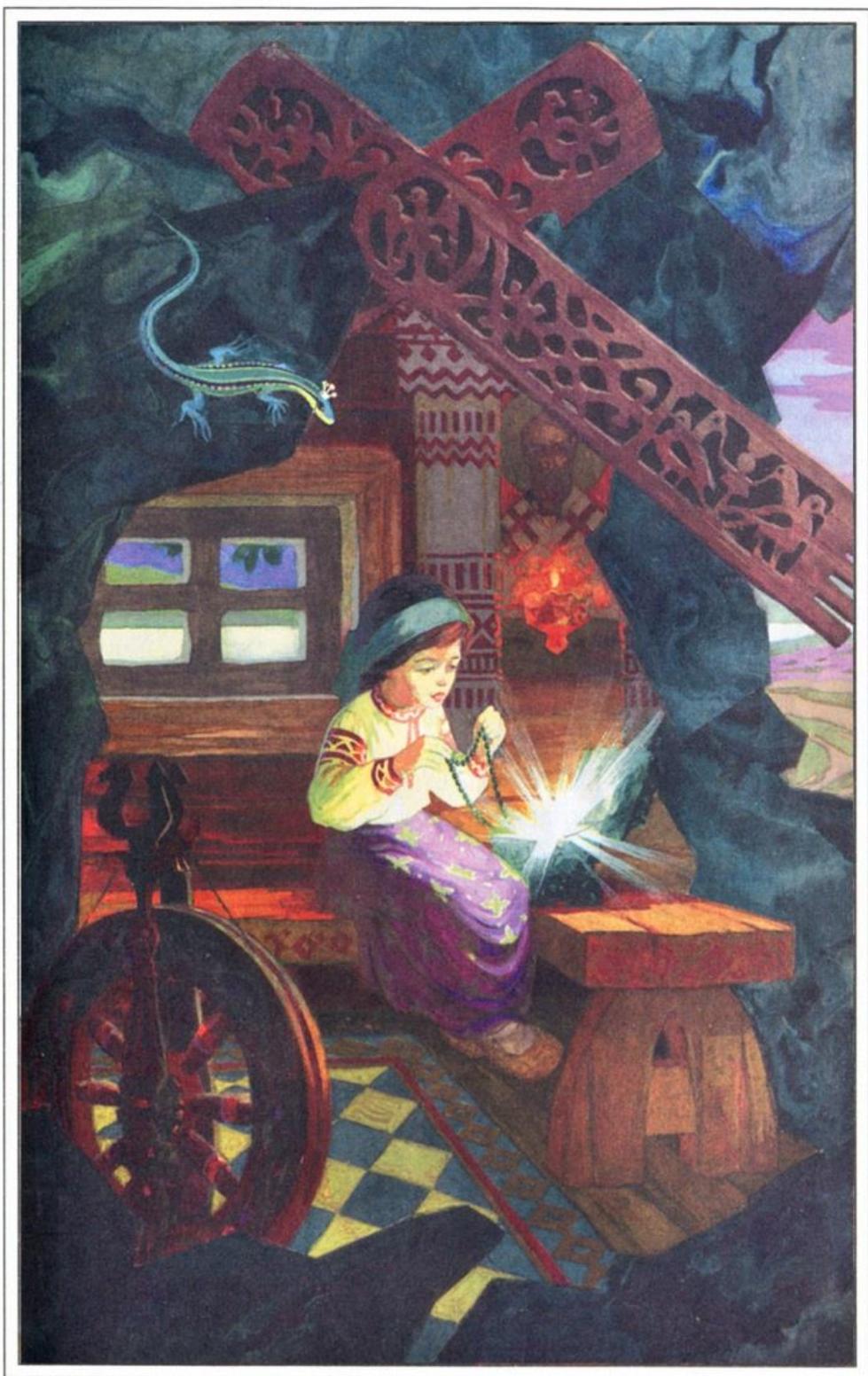
Настасья сама нашивала, помнит, как у неё пальцы затекали, уши болели, шея не могла согреться. Вот и думает: «Неспроста это. Ой, неспроста!» – да поскорее шкатулку-то опять в сундук. Только Танюшка с той поры нет-нет и запросит:

– Мамонька, дай поиграть тятиным подареньем!

Настасья когда и пристрожит, ну, материнско сердце – пожалеет, достанет шкатулку, только накажет:

---

²⁶ Скрыкаться – скрести, скрестись (в земле).

– Не изломай чего!

Потом, когда подросла Танюшка, она и сама стала шкатулку доставать. Уедет мать со старшими парнишками на покос или ещё куда, Танюшка останется домовничать. Сперва, конечно, управит, что мать наказывала. Ну, чашки-ложки перемыть, скатёрку стряхнуть, в избе-сенях веничком подмахнуть, куричёшкам корму дать, в печке поглядеть. Справит всё поскорее, да и за шкатулку. Из верхних-то сундуков к тому времени один остался, да и тот лёгонький стал. Танюшка сдвинет его на табуреточку, достанет шкатулку и перебирает камешки, любитесь, на себя примеряет.

Раз к ней и забрался хитник²⁷. То ли он в ограде²⁸ спозаранку прихоронился, то ли потом незаметно где пролез, только из суседей никто не видал, чтобы он по улице проходил. Человек незнамый, а по делу видать – кто-то навёл его, весь порядок обсказал.

Как Настасья уехала, Танюшка побегала много-мало по хозяйству и забралась в избу поиграть отцовскими камешками. Надела наголовник, серьги навесила. В это время и пых в избу этот хитник. Танюшка оглянулась – на пороге мужик незнакомый, с топором. И топор-то ихний. В сенках, в уголочке стоял. Только что Танюшка его переставляла, как в сенках мела. Испугалась Танюшка, сидит, как замерла, а мужик сойкнул²⁹, топор выронил и обеими руками глаза захватил, как обожгло их. Стонет-кричит:

– Ой, батюшки, ослеп я! Ой, ослеп! – а сам глаза трёт.

Танюшка видит – неладно с человеком, стала спрашивать:

– Ты как, дяденька, к нам зашёл, пошто топор взял?

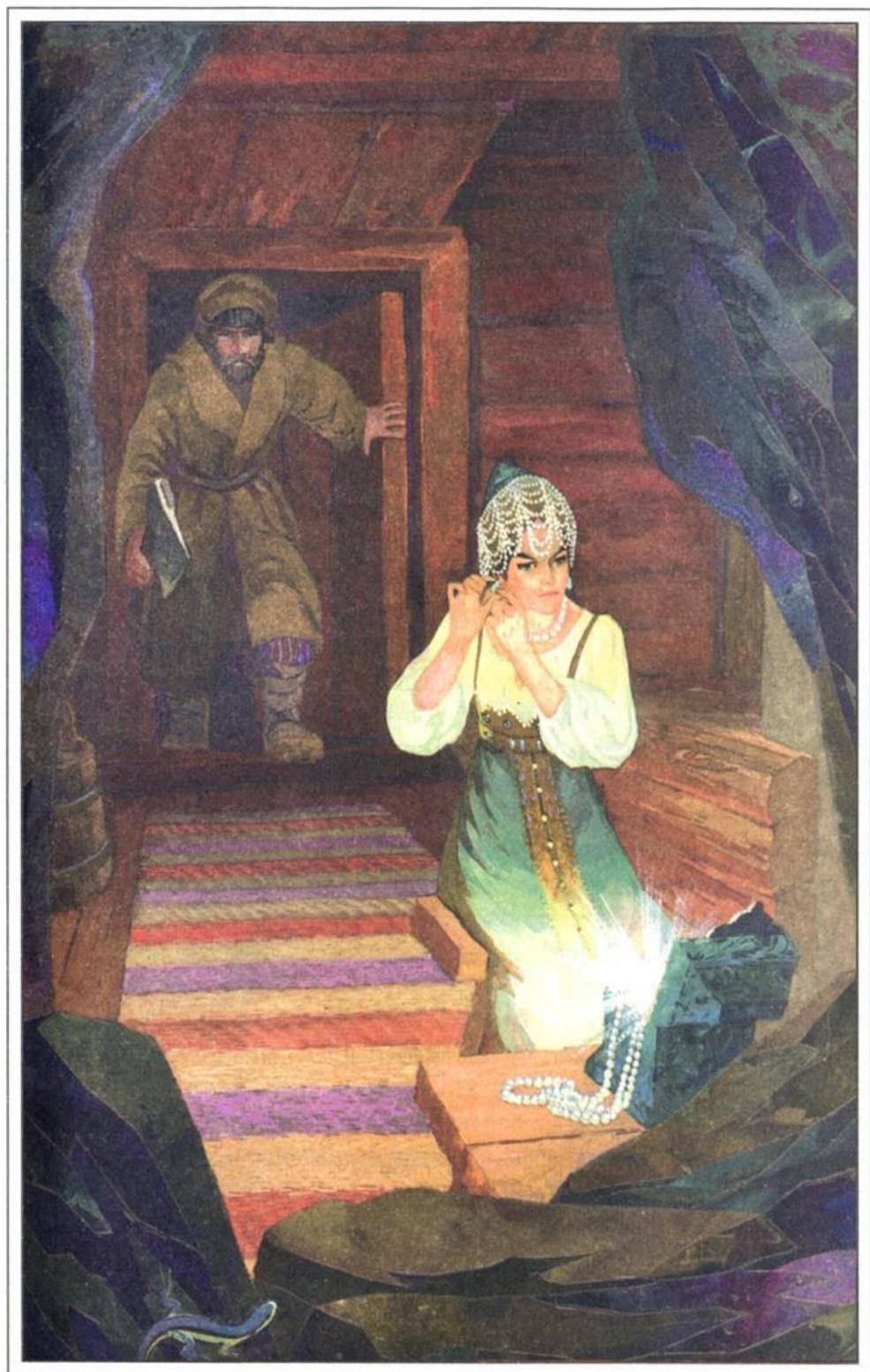
А тот, знай, стонет да глаза свои трёт. Танюшка его и

---

²⁷ Хитник – грабитель, вор, хищник; хита – хищники.

²⁸ Ограда – двор (слово «двор» употреблялось лишь в значении семьи, тягловой и оброчной группы, но никогда в смысле загороженного при доме места).

²⁹ Сойкнуть – вскрикнуть от испуга, неожиданности (от междометия «ой»).

пожалела – зачерпнула ковшик воды, хотела подать, а мужик так и шарахнулся спиной к двери.

– Ой, не подходи! – Так в сенках и сидел и двери завалил, чтобы Танюшка ненароком не выскочила. Да она нашла ход – выбежала через окошко и к соседям. Ну, пришли. Стали спрашивать, что за человек, каким случаем? Тот промигался маленько, объясняет – проходящий-де, милостинку хотел попросить, да что-то с глазами попритчилось.

– Как солнцем ударило. Думал – вовсе ослепну. От жары, что ли.

Про топор и камешки Танюшка соседям не сказала. Те и думают:

«Пустяшно дело. Может, сама же забыла ворота запереть, вот проходящий и зашёл, а тут с ним и случилось что-то. Мало ли бывает».

До Настасьи всё-таки проходящего не отпустили. Когда она с сыновьями приехала, этот человек ей рассказал, что соседям рассказывал. Настасья видит – всё в сохранности, вязаться не стала. Ушёл тот человек, и соседи тоже.

Тогда Танюшка матери и выложила, как дело было. Тут Настасья и поняла, что за шкатулкой приходил, да взять-то её, видно, не просто.

А сама думает:

«Оберегать-то её всё ж таки покрепче надо».

Взяла да потихоньку от Танюшки и других робят и зарыла ту шкатулку в голбец³⁰.

Уехали опять все семейные. Танюшка хватилась шкатулки, а её быть бывало. Горько это показалось Танюшке, а тут вдруг теплом её опажнуло. Что за штука? Откуда? Огляделась, а из-под полу свет. Танюшка испугалась – не пожар ли? Заглянула в голбец, там в одном уголке свет.

---

³⁰ Голбец – подполье; рундук около печки, где делается ход в подполье, обычно зовётся голбчик.

Схватила ведро, плеснуть хотела – только ведь огня-то нет и дымом не пахнет. Покопалась в том месте, видит – шкатулка. Открыла, а камни-то ровно ещё краше стали. Так и горят разными огоньками, и светло от них, как при солнышке. Танюшка и в избу не потащила шкатулку. Тут в голбце и наигралась досыта.

Так с той поры и повелось. Мать думает: «Вот хорошо спрятала, никто не знает», – а дочь, как домовничать, так и урвёт часок поиграть дорогим отцовским подареньем. Насчёт продажи Настасья и говорить родне не давала.

– По миру впору придёт – тогда продам.

Хоть круто ей приходилось, а укрепилась. Так ещё сколько-то годов перемогались, дальше на поправу пошло. Старшие робята стали зарабатывать маленько, да и Танюшка не сложа руки сидела. Она, слышь-ко, научилась шелками да бисером шить. И так научилась, что самолучшие барские мастерицы руками хлопали – откуда узоры берёт, где шелка достаёт?

А тоже случаем вышло. Приходит к ним женщина. Небольшого росту, чернявая, в Настасьиных уж годах, а востроглазая и, по всему видать, шмыгало такое, что только держись. На спине котомочка холщовая, в руке черёмуховый бадожок, вроде как странница. Просится у Настасьи:

– Нельзя ли, хозяйюшка, у тебя денёк-другой отдохнуть? Ноженьки не несут, а идти не близко.

Настасья сперва подумала, не подослана ли опять за шкатулкой, потом всё-таки пустила.

– Места не жалко. Не пролежишь, поди, и с собой не унесёшь. Только вот кусок-то у нас сиротский. Утром – лучок с кваском, вечером – квасок с лучком, вся и перемена. Отощать не боишься, так милости просим, живи сколь надо.

А странница уж бадожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает. Настасье это не по нраву пришлось, а смолчала.

«Ишь неочёсливая!»³¹ Приветить её не успела, а она на-ко – обутки сняла и котомку развязала».

Женщина, и верно, котомочку расстегнула и пальцем манит к себе Танюшку:

– Иди-ко, дитятко, погляди на моё рукоделье. Коли поглянется, и тебя выучу... Видать, цепкий глазок-то на это будет.

Танюшка подошла, а женщина и подаёт ей ширинку маленькую, концы шёлком вышиты. И такой-то, слышь-ко, жаркий узор на той ширинке, что ровно в избе светлее и теплее стало.

Танюшка так глазами и впилась, а женщина посмеивается.

– Поглянулось, знать, доченька, моё рукодельице? Хочешь – выучу?

– Хочу, – говорит.

Настасья так и взъелась:

– И думать забудь! Соли купить не на что, а ты придумала шелками шить! Припасы-то, поди-ка, денег стоят.

– Про то не беспокойся, хозяйюшка, – говорит странница, – Будет понятие у доченьки – будут и припасы. За твою хлеб-соль оставлю ей – надолго хватит. А дальше сама увидишь. За наше-то мастерство денежки платят. Не даром работу отдаём. Кусок имеем.

Тут Настасье уступить пришлось.

– Коли припасов уделишь, так о чём не поучиться. Пуцай поучится, сколь понятия хватит. Спасибо тебе скажу.

Вот эта женщина и занялась Танюшку учить. Скорёхонько Танюшка всё переняла, будто раньше которое знала. Да вот ещё что. Танюшка не то что к чужим, к своим неласковая была, а к этой женщине так и льнёт, так и льнёт. Настасья скося запоглядывала:

---

³¹ Неочёсливый – неучтивый, невежа.

«Нашла себе новую родню. К матери не подойдёт, а к бродяжке прилипла!»

А та ещё ровно дразнит, всё Танюшку дитятком да доченькой зовёт, а крещёное имя ни разочку не помянула. Танюшка видит, что мать в обиде, а не может себя сдерживать. До того, слышь-ко, вверилась этой женщине, что ведь сказала ей про шкатулку-то!

– Есть, – говорит, – у нас дорогая тятинка – шкатулка малахитова. Вот где каменья! Век бы на них глядела.

– Мне покажешь, доченька? – спрашивает женщина.

Танюшка даже не подумала, что это неладно.

– Покажу, – говорит, – когда дома никого из семейных не будет.

Как вывернулся такой часок, Танюшка и позвала ту женщину в голбец. Достала Танюшка шкатулку, показывает, а женщина поглядела маленько да и говорит:

– Надень-ко на себя – виднее будет.

Ну, Танюшка, – не того слова³², – стала надевать, а та, знай, похваливает:

– Ладно, доченька, ладно! Капельку только поправить надо.

Подошла поближе да и давай пальцем в камешки тыкать. Который заденет – тот и загорится по-другому. Танюшке иное видно, иное – нет. После этого женщина и говорит:

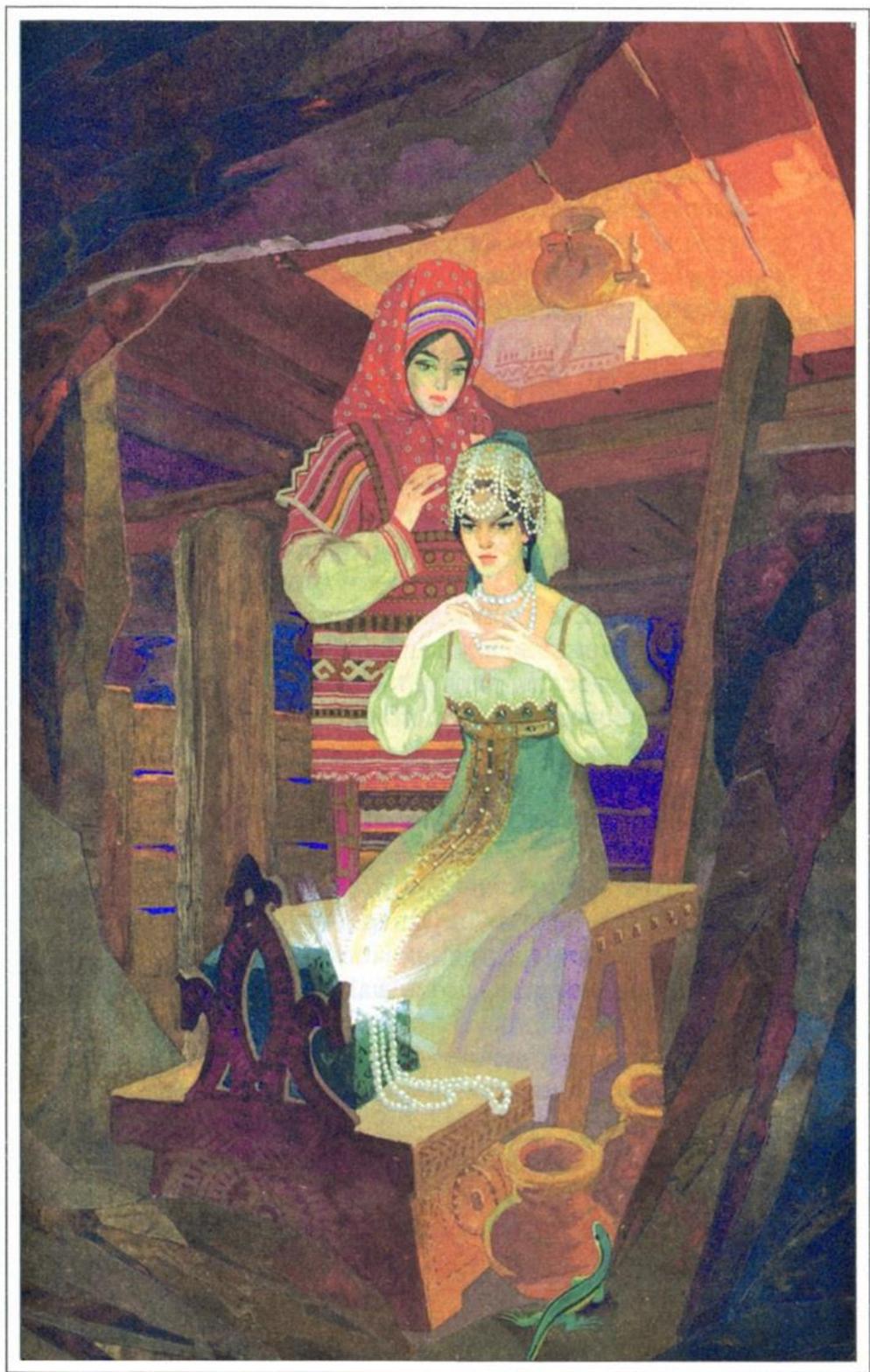
– Встань-ко, доченька, пряменько.

Танюшка встала, а женщина и давай её потихоньку гладить по волосам, по спине. Всю огладила, а сама наставляет:

– Заставлю тебя повернуться, так ты, смотри, на меня не оглядывайся. Вперёд гляди, примечай, что будет, а ничего не говори. Ну, поворачивайся!

---

³² Не того слова – сейчас, немедленно, без возражений.

Повернулась Танюшка – перед ней помещение, какого она отродясь не видывала. Не то церква, не то что. Потолки высоченные на столбах из чистого малахиту. Стены тоже в рост человека малахитом выложены, а по верхнему карнизу малахитовый узор прошёл. Прямо перед Танюшкой, как вот в зеркале, стоит красавица, про каких только в сказках сказывают. Волосы как ночь, а глаза зелёные. И вся-то она изукрашена дорогими камнями, а платье на ней из зелёного бархату с переливом.

И так это платье сшито, как вот у цариц на картинах. На чём только держится. Со стыда бы наши заводские сгорели на людях такое надеть, а эта зеленоглазая стоит себе спокойнёненько, будто так и надо. Народу в том помещенье полно. По-господски одеты, и все в золоте да заслугах. У кого спереду навешано, у кого сзади нашито, а у кого и со всех сторон. Видать, самое вышнее начальство. И бабы ихние тут же. Тоже голоруки, гологруды, камнями увешаны. Только где им до зеленоглазой! Ни одна в подмётки не годится.

В ряд с зеленоглазой какой-то белобрысенький. Глаза враскос, уши пенёчками, как есть заяц. А одежда на нём – уму помраченье. Этому золота-то мало показалось, так он, слышь-ко, на обу³³ камни насадил. Да такие сильные, что, может, в десять лет один такой найдут. Сразу видать – заводчик это. Лопочет тот заяц зеленоглазой-то, а она хоть бы бровью повела, будто его вовсе нет.

Танюшка глядит на эту барыню, дивится на неё и только тут заметила:

– Ведь камения-то на ней тятины! – сойкала Танюшка, и ничего не стало.

А женщина та посмеивается:

– Не доглядела, доченька! Не тужи, по времени доглядишь.

---

³³ Обуй – имя сущ. м. р. – обувь.

Танюшка, конечно, доспрашивается – где это такое помещение?

– А это, – говорит, – царский дворец. Та самая палатка, коя здешним малахитом изукрашена. Твой покойный отец его добывал-то.

– А это кто в тятиных уборах и какой это с ней заяц?

– Ну, этого не скажу, сама скоро узнаешь.

В тот же день, как пришла Настасья домой, эта женщина собираться в дорогу стала. Поклонилась низенько хозяйке, подала Танюшке узелок с шелками да бисером, потом достала пуговку махонькую. То ли она из стекла, то ли из дурмашка на простую грань обделана.

Подаёт её Танюшке да и говорит:

– Прими-ко, доченька, от меня памятку. Как что забудешь по работе либо трудный случай подойдёт, погляди на эту пуговку. Тут тебе ответ и будет.

Сказала так-то и ушла. Только её и видели.

С той поры Танюшка и стала мастерицей, а уж в годы входить стала, вовсе невестой глядит. Заводские парни о Настасьины окошки глаза обмозолили, а подступить к Танюшке боятся. Вишь, неласковая она, невесёлая, да и за крепостного где же вольная пойдёт. Кому охота петлю надевать?

В барском доме тоже проведали про Танюшку из-за мастерства-то её. Подсылать к ней стали. Лакея помоложе да поладнее оденут по-господски, часы с цепочкой дадут и пошлют к Танюшке, будто за делом каким. Думают, не обзарится ли девка на экого молодца. Тогда её обратать³⁴ можно. Толку всё ж таки не выходило. Скажет Танюшка что по делу, а другие разговоры того лакея безо внимания. Надоест, так ещё надсмешку подстроит:

– Ступай-ко, любезный, ступай! Ждут ведь. Боятся, по-ди, как бы у тебя часы пóтом не изошли и цепка не подела. Вишь, без привычки-то как ты их мозолишь.

---

³⁴ Обратать – надеть оброт, недоуздок, подчинить себе, обуздать.

Ну, лакею или другому барскому службе эти слова, как собаке кипяток. Бежит, как ошпаренный, фырчит про себя:

– Разве это девка? Статуй каменный, зеленоглазый! Такую ли найдём!

Фырчит так-то, а самого уж захлестнуло. Которого пошлют, забыть не может Танюшкину красоту. Как приворожённого к тому месту тянет – хоть мимо пройти, в окошко поглядеть. По праздникам чуть не всему заводскому холостяжнику³⁵ дело на той улице. Дорогу у самых окошек проторили, а Танюшка и не глядит.

Суседки уж стали Настасью корить:

– Что это у тебя Татьяна шибко высоко себя повела? Подружек у ней нет, на парней глядеть не хочет. Царевича-королевича ждёт аль в Христовы невесты ладится?

Настасья на эти покоры только вздыхает:

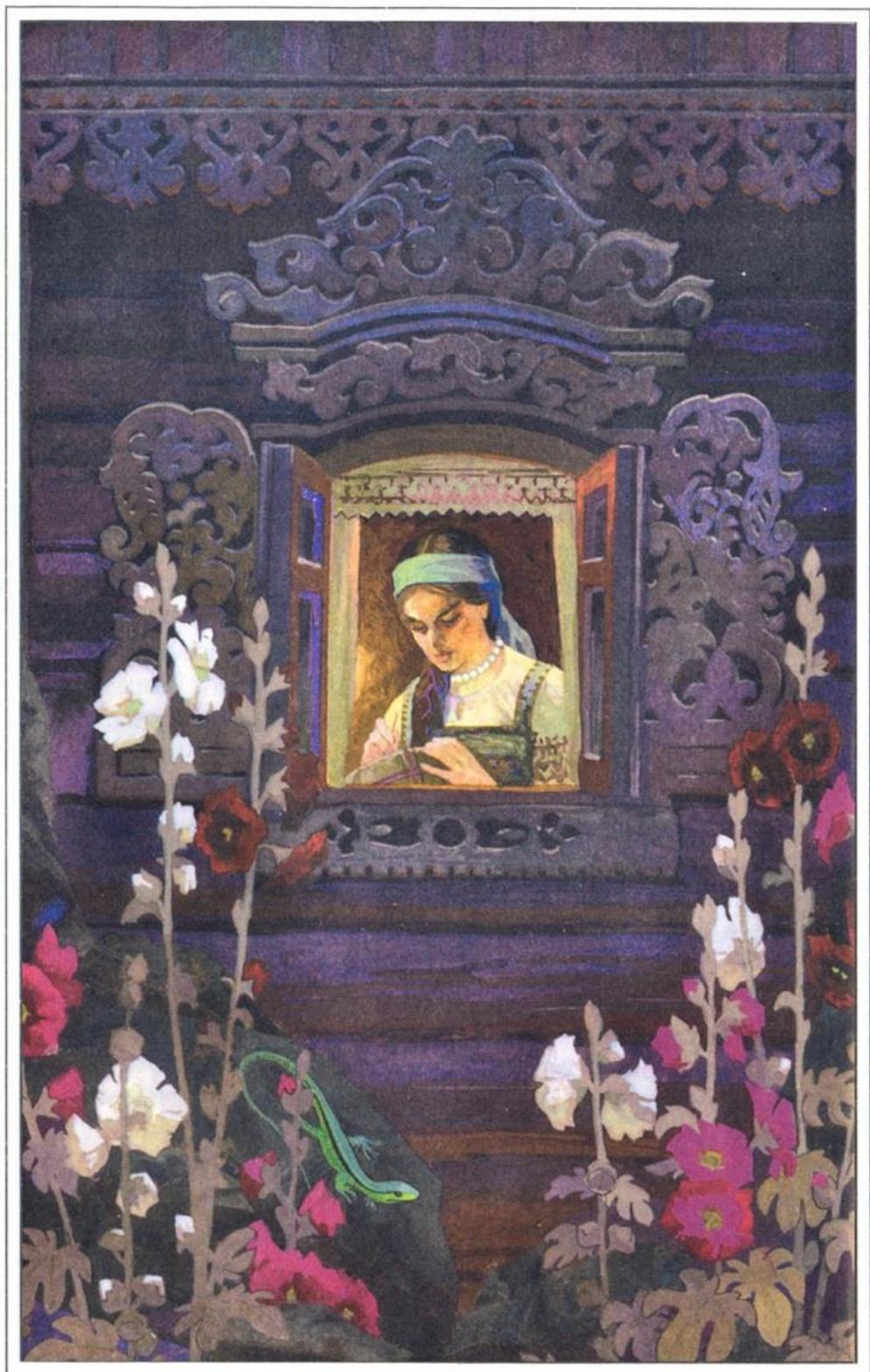
– Ой, бабоньки, и сама не ведаю. И так-то у меня девка мудрёная была, а колдунья эта проходящая вконец её извела. Станешь ей говорить, а она уставится на свою колдовскую пуговку и молчит. Так бы и выбросила эту проклятую пуговку, да по делу она ей на пользу. Как шелка переменить или что, так в пуговку и глядит. Казала и мне, да у меня, видно, глаза тупы стали, не вижу. Налупила бы девку, да, вишь, она у нас старательница. Почитай, её работой только и живём. Думаю-думаю так-то и зареву. Ну, тогда она скажет: «Мамонька, ведь знаю я, что тут моей судьбы нет. То никого и не привечаю и на игрища не хожу. Что зря людей в тоску вгонять? А что под окошком сижу, так работа моя того требует. За что на меня приходишь?»³⁶ Что я худого сделала?» Вот и ответь ей!

Ну, жить всё ж таки ладно стали. Танюшкино рукоделье на моду пошло. Не то что в заводе аль в нашем городе, по другим местам про него узнали, заказы посылают и

---

³⁵ Холостяжник (холостёжь) – холостые, неженатые люди.

³⁶ Приходить на кого-нибудь – обвинять кого-нибудь, винить.

деньги платят немалые. Доброму мужику впору столько-то заработать. Только тут беда их и пристигла – пожар случился. А ночью дело было. Пригон³⁷, завозня³⁸, лошадь, корова, снасть всяка – всё сгорело. С тем только и остались, в чём выскочили. Шкатулку, однако, Настасья схватила, успела-таки. На другой день и говорит:

– Видно, край пришёл – придётся продать шкатулку.

Сыновья в один голос:

– Продавай, мамонька. Не продешеви только.

Танюшка украдкой на пуговку поглядела, а там зеленоглазая маячит – пуцай продают. Горько стало Танюшке, а что поделаешь? Всё равно уйдёт отцова памятка этой зеленоглазой. Вздохнула и говорит:

– Продавать так продавать. – И даже не стала на прощанье те камни глядеть. И то сказать – у соседей приютились, где тут раскладываться.

Придумали так – продать-то, а купцы уж тут как тут. Кто, может, сам и поджог-от подстроил, чтобы шкатулкой завладеть. Тоже ведь народишко-то – ноготок, доцарапается! Видят, – робята подросли, – больше дают. Пятьсот там, семьсот, один до тысячи дошёл. По заводу деньги немалые, можно на их обзавестись. Ну, Настасья запросила всё-таки две тысячи. Ходят, значит, к ней, рядятся. Накидывают помаленьку, а сами друг от друга таятся, сговориться меж собой не могут. Вишь, кусок-от такой – ни одному отступиться неохота. Пока они так-то ходили, в Полевою и приехал новый приказчик.

Когда ведь они – приказчики-то – подолгу сидят, а в те годы им какой-то перевод случился. Душного козла, который при Степане был, старый барин на Крылатовско за вонь отставил. Потом был Жареный Зад. Рабочие его на болванку посадили. Тут заступил Северьян Убойца. Этого

---

³⁷ Пригон – общее название построек для скота (куда пригоняли скот).

³⁸ Завозня – род надворной постройки с широким входом, чтобы можно было завозить туда на хранение телеги, сани и пр.

опять Хозяйка Медной горы в пугу породу перекинула. Там ещё двое ли, трое каких-то были, а потом и приехал этот.

Он, сказывают, из чужестранных земель был, на всяких языках будто говорил, а по-русски похуже. Чисто-то выговаривал одно – пороть. Свысока так, с растяжкой – пароть. О какой недостатке ему заговорят, одно кричит: пароть! Его Паротей и прозвали.

На деле этот Паротя не шибко худой был. Он хоть кричал, а вовсе народ на пожарну³⁹ не гонял. Тамошним охлестышам⁴⁰ вовсе и дела не стало. Вздохнул маленько народ при этом Пароте.

Тут, вишь, штука-то в чём. Старый барин к той поре вовсе утлый стал, еле ногами перебирал. Он и придумал сына женить на какой-то там графине ли, что ли. Ну, а у этого молодого барина была полюбовница, и он к ей большую приверженность имел. Как делу быть? Неловко всё ж таки. Что новые сватовья скажут? Вот старый барин и стал сговаривать ту женщину – сынову-то полюбовницу – за музыканта. У барина же этот музыкант служил. Робытишек на музыках обучал и так разговору чужестранному, как ведётся по ихнему положению.

– Чем, – говорит, – тебе так-то жить на худой славе, выходи-ко ты замуж. Приданным тебя оделю, а мужа приказчиком в Полевую пошлю. Там дело направлено, пуцай только построже народ держит. Хватит, поди, на это толку, что хоть и музыкант. А ты с ним лучше лучшего проживёшь в Полевой-то. Первый человек, можно сказать, будешь. Почёт тебе, уважение от всякого. Чем плохо?

Бабочка сговорная оказалась. То ли она в рассорке с молодым барином была, то ли хитрость поимела.

---

³⁹ Пожарна – она же машина – в сказах упоминается как место, где производилось истязание рабочих. Пожарники фигурируют как палачи.

⁴⁰ Охлестыш, охлест, охлестка, охлестанный хвост, подол – человек с грязной репутацией, который ничего не стыдится, наглец, обидчик.

– Давно, – говорит, – об этом мечтанье имела, да сказать – не насмелилась.

Ну, музыкант, конечно, сперва упёрся:

– Не желаю, – шибко про неё худа слава, потаскуха вроде.

Только барин – старичонко хитрой. Недаром заводы нажил. Живо обломал этого музыканта. Припугнул чем али улестил, либо подпоил – ихнее дело, только вскорости свадьбу справили, и молодые поехали в Полевую. Так вот Паротя и появился в нашем заводе. Недолго только прожил, а так – что зря говорить – человек не вредный. Потом, как Полторы Хари вместо его заступил – из своих заводских, так жалели даже этого Паротю.

Приехал с женой Паротя как раз в ту пору, как купцы Настасьёю обхаживали. Паротина баба тоже видная была. Белая да румяная – одним словом, полюбовница. Небось худу-то бы не взял барин. Тоже, поди, выбирал! Вот эта Паротина жена и прослышала – шкатулку продают. «Дай-ко, – думает, – посмотрю, может, всамделе стоящее что». Живёхонько срядилась и прикатила к Настасье. Им ведь лошадки-то заводские завсегда готовы!

– Ну-ко, – говорит, – милая, покажи, какие такие камешки продаёшь?

Настасья достала шкатулку, показывает. У Паротиной бабы и глаза забегали. Она, слышь-ко, в Сам-Петербурхе воспитывалась, в заграницах разных с молодым барином бывала, толк в этих нарядах имела. «Что же это, – думает, – такое? У самой царицы эдаких украшений нет, а тут на-ко – в Полевой, у погорельцев! Как бы только не сорвалась покупочка».

– Сколько, – спрашивает, – просишь?

Настасья говорит:

– Две бы тысячи охота взять.

– Ну, милая, собирайся! Поедем ко мне со шкатулкой. Там деньги сполна получишь.

Настасья, однако, на это не подалась.

– У нас, – говорит, – такого обычая нет, чтобы хлеб за брюхом ходил. Принесёшь деньги – шкатулка твоя.

Барыня видит – вон какая женщина, – живо скрутилась за деньгами, а сама наказывает:

– Ты уж, милая, не продавай шкатулку.

Настасья отвечает:

– Это будь в надежде. От своего слова не отопрусь. До вечера ждать буду, а дальше моя воля.

Уехала Паротина жена, а купцы-то и набежали все разом. Они, вишь, следили. Спрашивают:

– Ну, как?

– Запродала, – отвечает Настасья.

– За сколь?

– За две, как назначила.

– Что ты, – кричат, – ума решилась али что! В чужие руки отдаёшь, а своим отказываешь! – И давай-ко цену набавлять.

Ну, Настасья на эту удочку не клюнула.

– Это, – говорит, – вам привышно дело в словах вертеться, а мне не доводилось. Обнадёжила женщину, и разговору конец!

Паротина баба крутёхонько обернулась. Привезла деньги, передала из ручки в ручку, подхватила шкатулку и айда домой. Только на порог, а навстречу Танюшка. Она, вишь, куда-то ходила, и вся эта продажа без неё была. Видит – барыня какая-то и со шкатулкой. Уставилась на неё Танюшка – дескать, не та ведь, какую тогда видела. А Паротина жена пуще того воззрилась.

– Что за наваждение? Чья такая? – спрашивает.

– Дочерью люди зовут, – отвечает Настасья, – Самая как есть наследница шкатулки-то, кою ты купила. Не продала бы, кабы не край пришёл. С малолетства любила этими уборами играть. Играет да нахваливает – как-де от них тепло да хорошо. Да что об этом говорить! Что с возу пало – то пропало!

– Напрасно, милая, так думаешь, – говорит Паротина баба. – Найду я мёстичко этим каменьям. – А про себя думает: «Хорошо, что эта зеленоглазая силы своей не чувствует. Покажись такая в Сам-Петербурге, царями бы вертела. Надо – мой-то дурачок Турчанинов её не увидал».

С тем и разошлись.

Паротина жена, как приехала домой, похвасталась:

– Теперь, друг любезный, я не то что тобой, и Турчаниновым не понуждаюсь. Чуть что – до свиданья! Уеду в Сам-Петербург либо, того лучше, в заграницу, продам шкатулочку и таких-то мужей, как ты, две дюжины куплю, коли надобность случится.

Похвасталась, а показать на себе новокупку всё ж таки охота. Ну, как – женщина! Подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила. – Ой, ой, что такое! – Терпенья нет – крутит и дерёт волосы-то. Еле выпростала. А неймётся. Серьги надела – чуть мочки не разорвала. Палец в перстень сунула – заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!

А она думает:

«Что за штука? Надо в город ехать, мастеру показать. Подгонит как надо, только бы камни не подменил».

Сказано – сделано. На другой день с утра укатила. На заводской-то тройке ведь недалеко. Узнала, какой самый надёжный мастер, – и к нему. Мастер старый-престарый, а по своему делу дока. Оглядел шкатулку, спрашивает, у кого куплено. Барыня рассказала, что знала. Оглядел ещё раз мастер шкатулку, а на камни не взглянул.

– Не возьмусь, – говорит, – что хошь давайте. Не здешних это мастеров работа. Нам несподручно с ними тягаться.

Барыня, конечно, не поняла, в чём тут закорючка, фыркнула и побежала к другим мастерам. Только все как сговорились: оглядят шкатулку, полюбуются, а на камни не смотрят и от работы наотрез отказываются. Барыня то-

гда на хитрости пошла, говорит, что эту шкатулку из Сам-Петербурху привезла. Там всё и делали. Ну, мастер, которому она это плела, только рассмеялся.

– Знаю, – говорит, – в каком месте шкатулка делана, и про мастера много наслышан. Тягаться с ним всем нашим не по плечу. На одного кого тот мастер подгоняет, другому не подойдёт, что хошь делай.

Барыня и тут не поняла всего-то, только то и уразумела – неладно дело, боятся кого-то мастера. Припомнила, что старая хозяйка сказывала, будто дочь любила эти уборы на себя надевать.

«Не по этой ли зеленоглазой подгонялись? Вот беда-то!»

Потом опять переводит в уме:

«Да мне-то что! Продам какой ни есть богатой дуре. Пущай мается, а денежки у меня будут!» С этим и уехала в Полевую.

Приехала, а там новость: весточку получили – старый барин приказал долго жить. Хитренько с Паротей-то он устроил, а смерть его перехитрила – взяла и стукнула. Сына так и не успел женить, и он теперь полным хозяином стал. Через малое время Паротина жена получила писёмышко. Так и так, моя любезная, по вешней воде приеду на заводах показаться и тебя увезу, а музыканта твоего куда-нибудь законопатим. Паротя про это как-то узнал, шум-крик поднял. Обидно, вишь, ему перед народом-то. Как-никак приказчик, а тут вон что – жену отбирают. Сильно выпивать стал. Со служащими, конечно. Они рады стараться на даровщинку-то. Вот раз пировали. Кто-то из этих запивох и похвастан:

– Выросла-де у нас в заводе красавица, другую такую не скоро сыщешь.

Паротя и спрашивает:

– Чья такая? В котором месте живёт?

Ну, ему рассказали и про шкатулку помянули – в этой-де семье ваша жена шкатулку покупала.

Паротя и говорит:

– Поглядеть бы.

А у запивох и заделье⁴¹ нашлось.

– Хоть сейчас пойдём – освидетельствовать, ладно ли они новую избу поставили. Семья хоть из вольных, а на заводской земле живут. В случае чего и прижать можно.

Пошли двое ли, трое с этим Паротей. Цепь притащили, давай промер делать, не зарезалась ли Настасья в чужую усадьбу, выходят ли вершки меж столбами. Подыскиваются, одним словом. Потом заходят в избу, а Танюшка как раз одна была. Глянул на неё Паротя и слова потерял. Ну, ни в каких землях такой красоты не видывал. Стоит как дурак, а она сидит – помалкивает, будто её дело не касается. Потом отошёл малость Паротя, стал спрашивать;

– Что поделываете?

Танюшка говорит:

– По заказу шью, – и работу свою показала.

– Мне, – говорит Паротя, – можно заказ сделать?

– Отчего же нет, коли в цене сойдёмся.

– Можете, – спрашивает опять Паротя, – мне с себя патрет шелками вышить?

Танюшка потихоньку на пуговку поглядела, а там зеленоглазая ей знак подаёт – бери заказ! – и на себя пальцем указывает. Танюшка и отвечает:

– Свой патрет не буду, а есть у меня на примете женщина одна в дорогих каменьях, в царицыном платье, эту вышить могу. Только недёшево будет стоять такая работа.

– Об этом, – говорит, – не сумлевайтесь, хоть сто, хоть двести рублей заплачу, лишь бы сходственность с вами была.

– В лице, – отвечает, – сходственность будет, а одежда другая.

Срядились за сто рублей. Танюшка и срок назначила –

---

⁴¹ Заделье – предлог, повод.

через месяц. Только Паротя нет-нет и забежит, будто о заказе узнать, а у самого вовсе не то на уме. Тоже обахмурило его, а Танюшка ровно и вовсе не замечает. Скажет два-три слова, и весь разговор. Запивохи-то Паротины подсмеиваться над ним стали:

– Тут-де не отломится. Зря сапоги треплешь!

Ну вот, вышила Танюшка тот патрет. Глядит Паротя – фу ты, боже мой! Да ведь это она самая и есть, одеждой да камнями изукрашенная. Подаёт, конечно, три сотенных билета, только Танюшка два-то не взяла.

– Не привышны, – говорит, – мы подарки принимать. Трудами кормимся.

Прибежал Паротя домой, любуется на патрет, а от жены впотай держит. Пировать меньше стал, в заводское дело вникать мало-мало начал.

Весной приехал на заводы молодой барин. В Полевую прикатил. Народ согнали, молебен отслужили, и потом в господском доме тонцы-звонцы⁴² пошли. Народу тоже две бочки вина выкатили – помянуть старого, проздравить нового барина. Затравку, значит, сделали. На это все Турчаниновы мастера были. Как зальёшь господскую чарку десятком своих, так и невесть какой праздник покажется, а на поверку выйдет – последние копейки умыл и вовсе ни к чему. На другой день народ на работу, а в господском доме опять пировля. Да так и пошло. Поспят сколько да опять за гулянку. Ну, там, на лодках катаются, на лошадях в лес ездят, на музыках бренчат, да мало ли. А Паротя всё время пьяной. Нарочно к нему барин самых залихватских питухов поставил – накачивайте до отказа! Ну, те и стараются новому барину подслужиться.

Паротя хоть пьяной, а чует, к чему дело клонится. Ему перед гостями неловко. Он и говорит за столом, при всех:

– Это мне безо внимания, что барин Турчанинов хочет

---

⁴² Тонцы-звонцы – танцы, веселье.

у меня жену увезти. Пушай повезёт! Мне такую не надо. У меня вот кто есть! – Да и достаёт из кармана тот шёлковый патрет. Все так и ахнули, а Паротина баба и рот закрыть не может. Барин тоже вьелся глазами-то. Любопытно ему стало.

– Кто такая? – спрашивает.

Паротя знай похохатывает:

– Полон стол золота насыпь – и то не скажу!

Ну, а как не скажешь, коли заводские сразу Танюшку признали. Один перед другим стараются – барину объясняют. Паротина баба руками-ногами:

– Что вы! Что вы! Околёсицу этаку городите! Откуда у заводской девки платье такое да ещё камня дорогие? А патрет этот муж из-за границы привёз. Ещё до свадьбы мне показывал. Теперь с пьяных-то глаз мало ли что сплетёт. Себя скоро помнить не будет. Ишь, опух весь!

Паротя видит, что жене шибко не мило, он и давай чехвости́ть:

– Страмина ты, страмина! Что ты косоплётки ⁴³плетёшь, барину в глаза песком бросаешь! Какой я тебе патрет показывал? Здесь мне его шили. Та самая девушка, про которую они вон говорят. Насчёт платья – лгать не буду – не знаю. Платье какое хошь надеть можно. А камни у них были. Теперь у тебя в шкапу заперты. Сама же их купила за две тысячи, да надеть не смогла. Видно, не подходит корове черкаско седло. Весь завод про покупку-то знает!

Барин как услышал про камни, так сейчас же:

– Ну-ко, покажи!

Он, слышь-ко, малоуменький был, мотоватый. Одним словом, наследник. К камням-то сильное пристрастие имел. Щегольнуть ему было нечем, – как говорится, ни росту, ни голосу, – так хоть камнями. Где ни прослышит

---

⁴³ Косоплётки плести – сплетничать.

про хороший камень, сейчас купить ладится. И толк в камнях знал, даром что не шибко умный.

Паротина баба видит – делать нечего, – принесла шка-тулку. Барин взглянул и сразу:

– Сколько?

Та и бухнула вовсе неслыханно. Барин рядиться. На половине сошлись, и заёмную бумагу барин подписал: не было, вишь, денег-то с собой. Поставил барин перед собой шкатулку на стол да и говорит:

– Позовите-ко эту девку, про которую разговор.

Сбегали за Танюшкой. Она ничего, сразу пошла, – думала, заказ какой большой. Приходит в комнату, а там народу полно и посредине тот самый заяц, которого она тогда видела. Перед этим зайцем шкатулка – отцово подаренье. Танюшка сразу признала барина и спрашивает:

– Зачем звали?

Барин и слова сказать не может. Уставился на неё, да и всё. Потом всё ж таки нашёл разговор:

– Ваши камни?

– Были наши, теперь вон ихние, – и показала на Паротину жену.

– Мои теперь, – похвалился барин.

– Это дело ваше.

– А хошь, подарю обратно?

– Отдаривать нечем.

– Ну, а примерить на себя ты их можешь? Взглянуть мне охота, как эти камни на человеке придутся.

– Это, – отвечает Танюшка, – можно.

Взяла шкатулку, разобрала уборы, – привычно дело, – и живо их к месту пристроила. Барин глядит и только ахает. Ах да ах, больше и речей нет. Танюшка постояла в уборе-то и спрашивает:

– Поглядели? Будет? Мне ведь не от простой поры тут стоять – работа есть.

Барин тут при всех и говорит:

– Выходи за меня замуж. Согласна?

Танюшка только усмехнулась:

– Не под стать бы ровно барину такое говорить, – Сняла уборы и ушла.

Только барин не отстаёт. На другой день свататься приехал. Просит-молит Настасью-то: отдай за меня дочь.

Настасья говорит:

– Я с неё воли не снимаю, как она хочет, а по-моему – будто не подходит.

Танюшка слушала-слушала да и молвит:

– Вот что, не то... Слышала я, будто в царском дворце есть палата, малахитом тягиной добычи обделанная. Вот если ты в этой палате царицу мне покажешь – тогда выйду за тебя замуж.

Барин, конечно, на всё согласен. Сейчас же в Сам-Петербурх стал собираться и Танюшку с собой зовёт – лошадей, говорит, тебе предоставлю. А Танюшка отвечает:

– По нашему-то обряду и к венцу на жениховых лошадях невеста не ездит, а мы ведь ещё никто. Потом уж об этом говорить будем, как ты своё обещанье выполнишь.

– Когда же, – спрашивает, – ты в Сам-Петербурхе будешь?

– К Покрову, – говорит, – непременно буду. Об этом не сумлевайся, а пока уезжай отсюда.

Барин уехал, Паротину жену, конечно, не взял, не глядит даже на неё. Как домой в Сам-Петербурх-от приехал, давай по всему городу славить про камни и про свою невесту. Многим шкатулку-то показывал. Ну, сильно залюбопытствовали невесту посмотреть. К осеням-то барин квартиру Танюшке приготовил, платьев всяких навёз, обую, а она весточку и прислала, – тут она, живёт у такой-то вдовы на самой окраине.

Барин, конечно, сейчас же туда:

– Что вы! Мысленное ли дело тут проживать? Квартирка приготовлена, первый сорт!

А Танюшка отвечает:

– Мне и тут хорошо.

Слух про камень да турчаниновску невесту и до царицы дошёл. Она и говорит:

– Пущай-ка Турчанинов покажет мне свою невесту. Что-то много про неё врут.

Барин к Танюшке – дескать, приготовиться надо. Наряд такой сшить, чтобы во дворец можно, камни из махитовой шкатулки надеть.

Танюшка отвечает:

– О наряде не твоя печаль, а камни возьму на подержанье. Да, смотри, не вздумай за мной лошадей посылать. На своих буду. Жди только меня у крылечка, во дворце-то.

Барин думает – откуда у ней лошади? где платье дворцовское? – а спрашивать всё ж таки не насмелился.

Вот стали во дворец собираться. На лошадях все подъезжают, в шелках да бархатах. Турчанинов барин спозаранку у крыльца вертится – невесту свою поджидает. Другим тоже любопытно на неё поглядеть, – тут же остановились. А Танюшка надела каменья, подвязалась платочком по-заводски, шубейку свою накинула и идёт себе потихонечку. Ну, народ – откуда такая? – валом за ней валит. Подошла Танюшка ко дворцу, а царские лакеи не пускают – не дозволено, говорят, заводским-то. Турчанинов барин издаля Танюшку завидел, только ему перед своими-то стыдно, что его невеста пешком, да ещё в экой шубейке, он взял да и спрятался. Танюшка тут распахнула шубейку, лакеи глядят – платье-то! У царицы такого нет! – сразу пустили. А как Танюшка сняла платочек да шубейку, все кругом сахнули:

– Чья такая? Каких земель царица?

А барин Турчанинов тут как тут.

– Моя невеста, – говорит.

Танюшка эдак строго на него поглядела:

– Это ещё вперёд поглядим! Пошто ты меня обманул – у крылечка не дождался?

Барин туда-сюда, – оплошка-де вышла. Извини, пожалуйста.

Пошли они в палаты царские, куда было велено. Глядит Танюшка – не то место. Ещё строже спросила Турчанинова барина:

– Это ещё что за обман? Сказано тебе, что в той палате, которая малахитом тягиной работы обделана! – И пошла по дворцу-то, как дома. А сенаторы, генералы и протчи за ней.

– Что, дескать, такое? Видно, туда велено.

Народу набралось полным-полно, и все глаз с Танюшки не сводят, а она стала к самой малахитовой стенке и ждет. Турчанинов, конечно, тут же. Лопочет ей, что ведь неладно, не в этом помещенье царица дожидаться велела. А Танюшка стоит спокойнешенько, хоть бы бровью повела, будто барина вовсе нет.

Царица вышла в комнату-то, куда назначено. Глядит – никого нет. Царицыны наушницы и доводят – турчаниновска невеста всех в малахитову палату увела. Царица поворчала, конечно, – что за самовольство! Запотопывала ногами-то. Осердилась, значит, маленько. Приходит царица в палату малахитову. Все ей кланяются, а Танюшка стоит – не шевельнется.

Царица и кричит:

– Ну-ко, показывайте мне эту самовольницу – турчаниновску невесту!

Танюшка это услышала, вовсе брови свела, говорит барину:

– Это еще что придумал! Я велела мне царицу показать, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! Видеть тебя больше не хочу! Получи свои камни!

С этим словом прислонилась к стенке малахитовой и растаяла. Только и осталось, что на стенке камни сверкают, как прилипли к тем местам, где голова была, шея, руки.

Все, конечно, перепугались, а царица в беспамятстве на пол брякнула. Засуетились, поднимать стали. Потом, когда суматоха поулеглась, приятели и говорят Турчанинову:

– Подбери хоть камни-то! Живо разворуют. Не как-нибудь место – дворец! Тут цену знают!

Турчанинов и давай хватать те камни. Какой схватит, тот у него и свернётся в капельку. Ина капля чистая, как вот слеза, ина жёлтая, а то опять, как кровь, густая. Так ничего и не собрал. Глядит – на полу пуговка валяется. Из бутылочного стекла, на простую грань. Вовсе пустяковая. С горя он и схватил её. Только взял в руку, а в этой пуговке, как в большом зеркале, зеленоглазая красавица в малахитовом платье, вся дорогими камнями изукрашенная, хохочет-заливается:

– Эх ты, полоумный косой заяц! Тебе ли меня взять! Разве ты мне пара?

Барин после этого и последний умишко потерял, а пуговку не бросил. Нет-нет и поглядит в неё, а там всё одно: стоит зеленоглазая, хохочет и обидные слова говорит. С горя барин давай-ко пировать, долгов наделал, чуть при нём наши-то заводы с молотка не пошли.

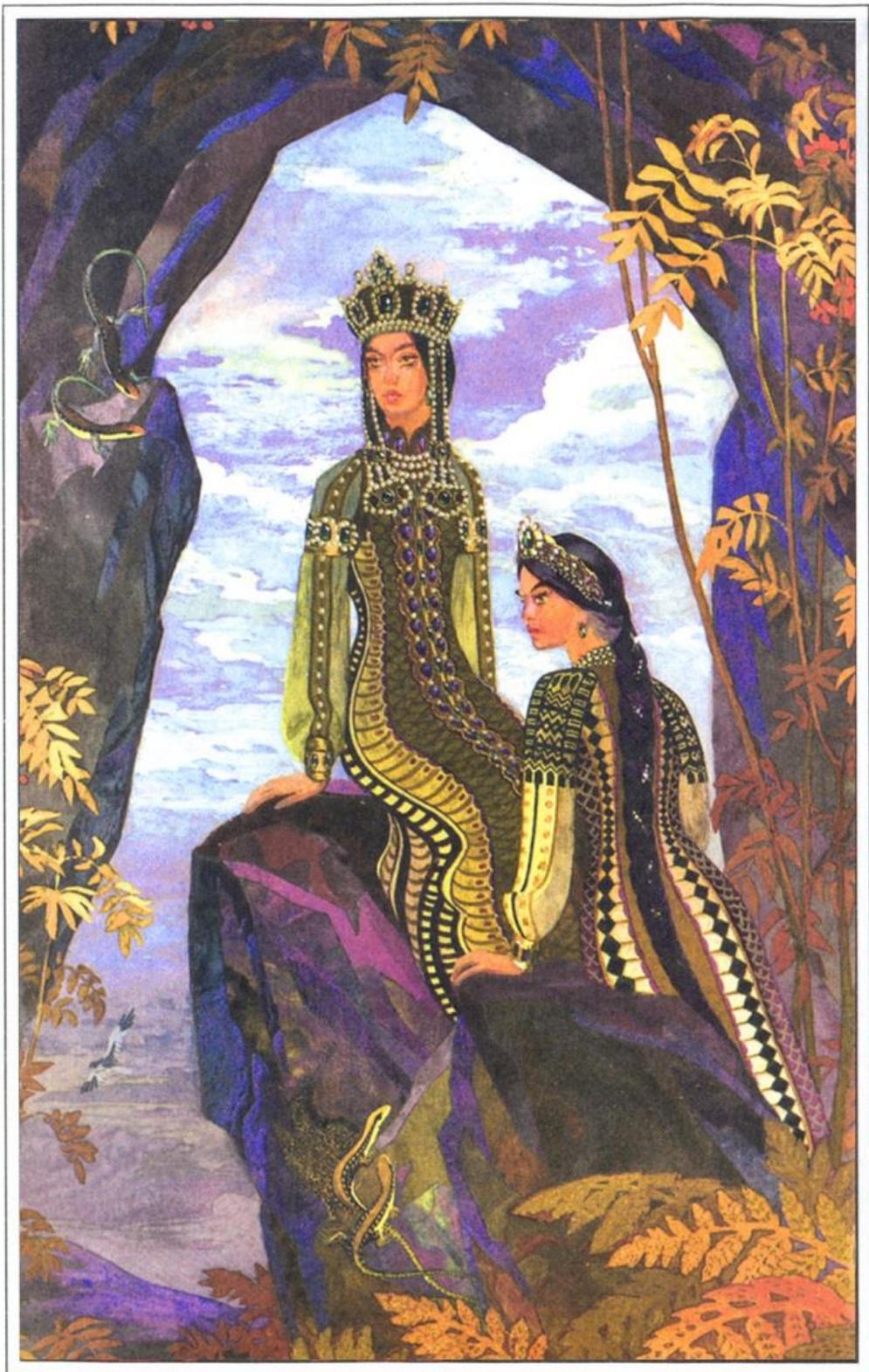
А Паротя, как его отстранили, по кабакам пошёл. Доремков пропился, а патрет тот шёлковый берёт. Куда этот патрет потом девался – никому не известно.

Не поживилась и Паротина жена: поди-ко, получи по заёмной бумаге, коли всё железо и медь заложены!

Про Танюшку с той поры в нашем заводе ни слуху ни духу. Как не было.

Погоревала, конечно, Настасья, да тоже не от силы. Танюшка-то, вишь, хоть радетельница для семьи была, а всё Настасье как чужая.

И то сказать, парни у Настасьи к тому времени выросли. Женились оба. Внучата пошли. Народу в избе густенько стало. Знай поворачивайся – за тем догляди, другому подай... До скуки ли тут!

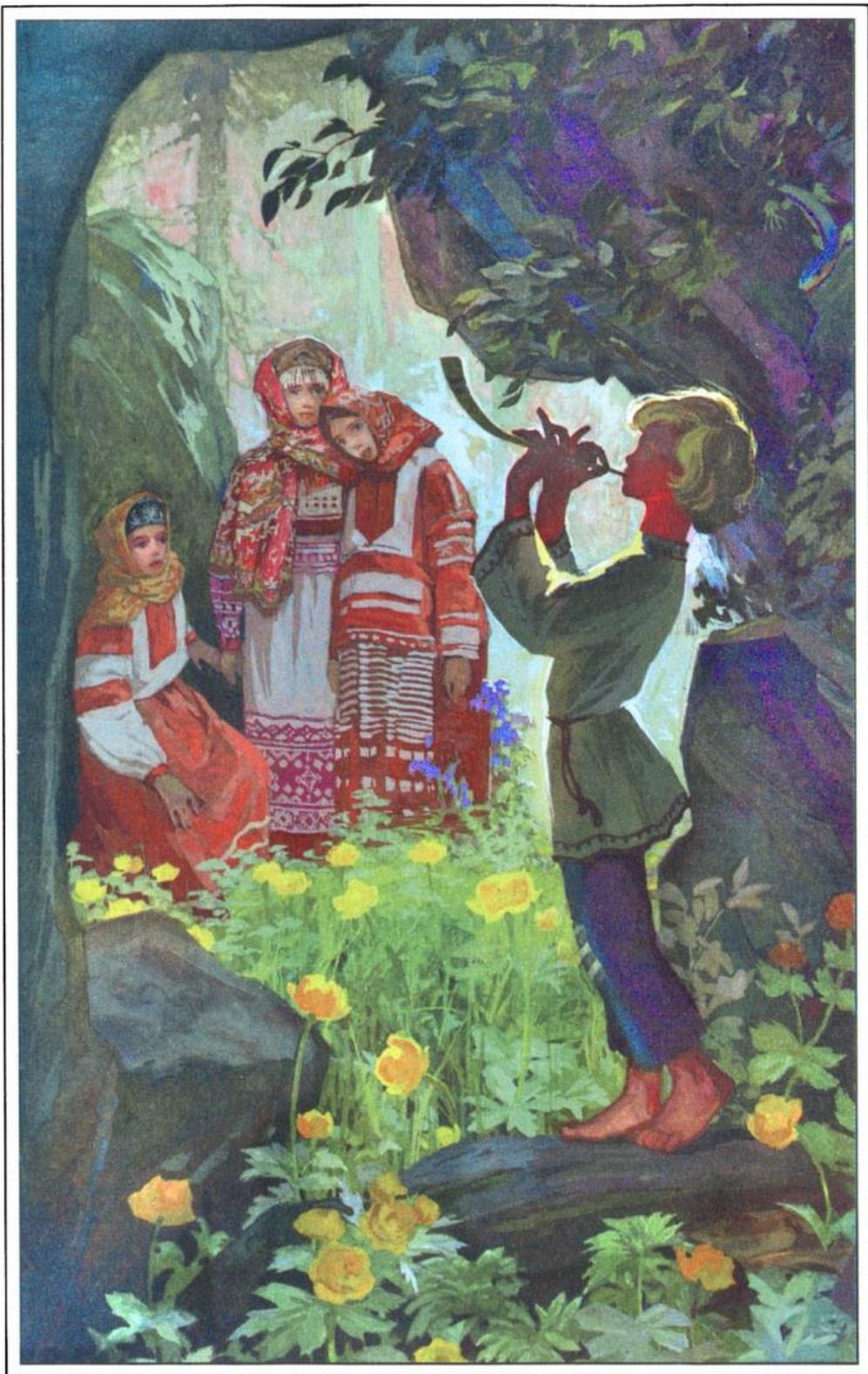
Холостяжник – тот дольше не забывал. Всё под Настасьиными окошками топтался. Поджидали, не появится ли у окошечка Танюшка, да так и не дождались.

Потом, конечно, оженились, а нет-нет и помянут:

– Вот-де какая у нас в заводе девка была! Другой такой в жизни не увидишь.

Да ещё после этого случаю заметочка вышла. Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали.

Не одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом вожгались⁴⁴, как его было довольно, и сорт – выше нет. Вот из этого малахиту и выделявали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как ему помогло.

Был в ту пору мастер Прокопъич. По этим делам первый. Лучше его никто не мог. В пожилых годах был.

Вот барин и велел приказчику поставить к этому Прокопъичу парнишек на выучку.

– Пушай-де переймут всё до тонкости.

Только Прокопъич, – то ли ему жаль было расставаться со своим мастерством, то ли ещё что, – учил шибко худо. Всё у него с рывка да с тычка. Насадит парнишке по всей голове шишек, уши чуть не оборвёт да и говорит приказчику:

– Не гож этот... Глаз у него неспособный, рука не несёт. Толку не выйдет.

Приказчику, видно, заказано⁴⁵ было ублаготворять Прокопъича.

– Не гож так не гож... Другого дадим... – И нарядит⁴⁶ другого парнишку.

Ребятишки прослышали про эту науку... Спозаранку ревут, как бы к Прокопъичу не попасть. Отцам-матерям тоже не сладко родного дитёнка на зряшную муку отдавать, – выгораживать стали свои-то, кто как мог. И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отравачистая. Вот и оберегаются люди.

---

⁴⁴ Вожгаться – биться над чем-нибудь, упорно и длительно трудиться.

⁴⁵ Заказано – приказано.

⁴⁶ Нарядить – назначить в дело, в работу.

Приказчик всё ж таки помнит баринов наказ – ставит Прокопьючу учеников. Тот по своему порядку помытарит парнишку да и сдаст обратно приказчику.

– Не гожд этот...

Приказчик взъедаться стал:

– До какой поры это будет? Не гожд да не гожд, когда гожд будет? Учи этого...

Прокопьюч, знай, своё:

– Мне что... Хоть десять годов учить буду, а толку из этого парнишки не будет...

– Какого тебе ещё?

– Мне хоть и вовсе не ставь, – об этом не скучаю...

Так вот и перебрали приказчик с Прокопьючем много ребятишек, а толк один: на голове шишки, а в голове – как бы убежать. Нарочно которые портили, чтобы Прокопьюч их прогнал.

Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. Сиротка круглый был этот парнишечко. Годов, поди, тогда двенадцати, а то и боле. На ногах высоконький, а худой-расхудой, в чём душа держится. Ну, а с лица чистенький. Волосёнки кудрявеньки, глазёнки голубеньки. Его и взяли сперва в казачки при господском доме: табакерку, платок подать, сбегать куда и протча. Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Другие парнишки на таких-то местах вьюнами вьются. Чуть что – навытяжку: что прикажете? А этот Данилко забьётся куда в уголок, уставится глазами на картину какую, а то на украшеньё, да и стоит. Его кричат, а он и ухом не ведёт. Били, конечно, поначалу-то, потом рукой махнули:

– Блаженный⁴⁷ какой-то! Тихоход! Из такого хорошего слуги не выйдет.

На заводскую работу либо в гору всё ж таки не отдали – шибко жидко место, на неделю не хватит. Поставил его

---

⁴⁷ Блаженный – здесь: дурачок, малоумный.

приказчик в подпаски⁴⁸. И тут Данилко не вовсе гош пришёлся. Парнишечко ровно старательный, а всё у него оплошка выходит. Всё будто думает о чём-то. Уставится глазами на травинку, а коровы-то – вон где! Старый пастух ласковый попался, жалел сиротку, и тот временем ругался:

– Что только из тебя, Данилко, выйдет? Погубишь ты себя, да и мою старую спину под бой подведёшь. Куда это годится? О чём хоть думка-то у тебя?

– Я и сам, дедко, не знаю... Так... ни о чём... Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней жёлтенько выглядывает, а листок широконый... По краям зубчики, вроде оборочки выгнуты. Тут потемнее показывает, а серёдка зелёная-презелёная, ровно её сейчас выкрасили... А букашка-то и ползёт...

– Ну, не дурак ли ты, Данилко? Твоё ли дело букашек разбирать? Ползёт она – и ползи, а твоё дело за коровами глядеть. Смотри у меня, выбрось эту дурь из головы, не то приказчику скажу!

Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился – куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

– Сыграй, Данилушко, песенку.

Он и начнёт наигрывать. И песни всё незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, пташки на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщины привечать Данилушку. Кто пониточек⁴⁹ починит, кто холста на онучи⁵⁰ отрежет, рубашонку новую сошьёт. Про кусок и разговору нет, – каждая норовит дать

---

⁴⁸ Подпасок – помощник пастуха.

⁴⁹ Пониточек (пониток) – верхняя одежда из домотканого сукна (шерсть по льняной основе).

⁵⁰ Онучи – множественное число от онуча – обёртка на ногу вместо чулок под сапоги и лапти, портянки.

побольше да послаще. Старику пастуху тоже Данилушко-вы песни по душе пришлись. Только и тут маленько не-ладно выходило. Начнёт Данилушко наигрывать и всё забудет, ровно и коров нет. На этой игре и пристигла его бе-да.

Данилушко, видно, заигрался, а старик задремал по ма-лости. Сколько-то коровёнок у них и отбилось. Как стали на выгон собирать, глядят – той нет, другой нет. Искать кинулись, да где тебе. Пасли около Ельничной... Самое тут волчье место, глухое... Одну только коровёнку и нашли. Пригнали стадо домой... Так и так – обсказали. Ну, из за-вода тоже побежали – поехали на розыски, да не нашли.

Расправа тогда, известно, какая была. За всякую вину спину кажи. На грех ещё одна-то корова из приказчиьего двора была. Тут и вовсе спуску не жди. Растянули сперва старика, потом и до Данилушки дошло, а он худенький да тощенький. Господский палач оговорился даже.

– Экой-то, – говорит, – с одного разу сомлеет, а то и вовсе душу выпустит.

Ударил всё ж таки – не пожалел, а Данилушко молчит. Палач его вдругорядь – молчит, втретьи – молчит. Палач тут и расстервенился, давай полысать со всего плеча, а сам кричит:

– Я тебя, молчуна, доведу... Дашь голос... Дашь!

Данилушко дрожит весь, слёзы каплют, а молчит. За-кусил губёнку-то и укрепился. Так и сомлел, а словечка от него не слышали. Приказчик, – он тут же, конечно, был, – удивился:

– Какой ещё терпеливый выискался! Теперь знаю, куда его поставить, коли живой останется.

Отлежался-таки Данилушко. Бабушка Вихориха его на ноги поставила. Была, сказывают, старушка такая. Вместо лекаря по нашим заводам на большой славе была. Силу в травах знала: которая от зубов, которая от надсады, кото-рая от ломоты... Ну, все как есть. Сама те травы собирала в

самое время, когда какая трава полную силу имела. Из таких трав да корешков настойки готовила, отвары варила да с мазями мешала.

Хорошо Данилушке у этой бабушки Вихорихи пожилось. Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав, да корешков, да цветков всяких у ней засушено да навешано по всей избе. Данилушко к травам-то любопытен – как эту зовут? где растёт? какой цветок? Старушка ему и рассказывает.

Раз Данилушко и спрашивает:

– Ты, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь?

– Хвастаться, – говорит, – не буду, а все будто знаю, какие открытые-то.

– А разве, – спрашивает, – ещё не открытые бывают?

– Есть, – отвечает, – и такие. Папору⁵¹ вот слышал? Она будто цветет на Иванов день⁵². Тот цветок колдовской. Клады им открывают. Для человека вредный. На разрыв-траве цветок – бегучий огонёк. Поймай его – и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок. А то ещё каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растёт. На змеиный праздник⁵³ полную силу имеет. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит.

– Чем, бабушка, несчастный?

– А это, дитёнок, я и сама не знаю. Так мне сказывали.

Данилушко у Вихорихи, может, и подольше бы пожил, да приказчиковы вестовщики⁵⁴ углядели, что парнишко мало-мало ходить стал, и сейчас к приказчику. Приказчик Данилушку призвал да и говорит:

– Иди-ко теперь к Прокопьючу – малахитному делу обучаться. Самая там по тебе работа.

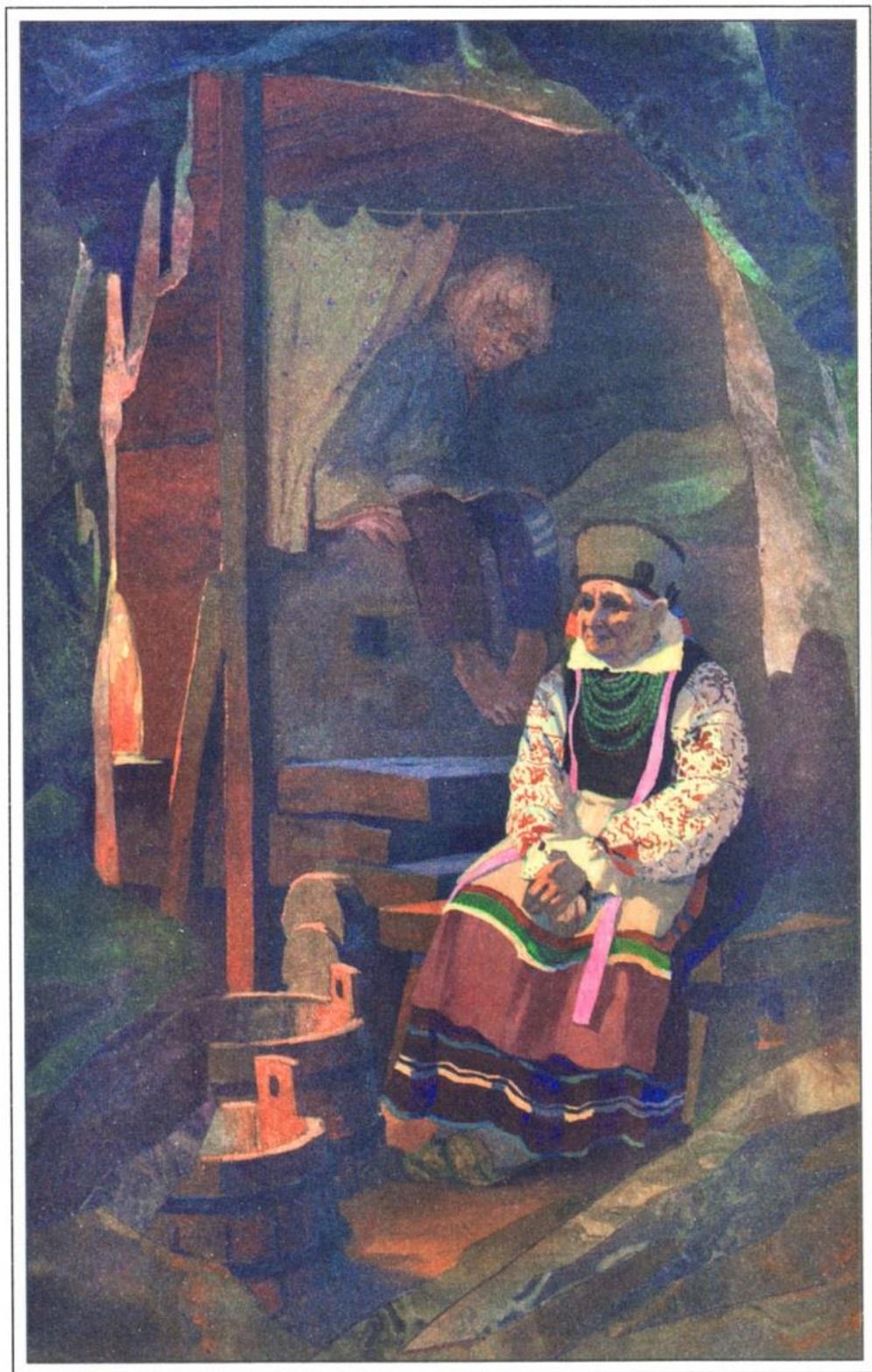
---

⁵¹ Папора – папоротник, цветок небывалый, сказочный, срываемый в ночь Ивана Купалы для выема клада.

⁵² Иванов день, или день Ивана Купалы, – 7 июля (24 июня); по преданию, в Иванову ночь цветёт папоротник и раскрываются клады.

⁵³ Змеиный праздник – 25 (12) сентября.

⁵⁴ Вестовщики – множественное число от вестовщик – сплетник, соглядатай, доносчик.

Ну, что сделаешь? Пошёл Данилушко, а самого ещё ветром качает.

Прокопъич поглядел на него да и говорит:

– Ещё такого не доставало. Здоровым парнишкам здешняя учёба не по силе, а с такого что взыщешь – еле живой стоит.

Пошёл Прокопъич к приказчику:

– Не надо такого. Ещё ненароком убьёшь – отвечать придётся.

Только приказчик – куда тебе, слушать не стал:

– Дано тебе – учи, не рассуждай! Он – этот парнишка – крепкий. Не гляди, что жиденский.

– Ну, дело ваше, – говорит Прокопъич, – было бы сказано. Буду учить, только бы к ответу не потянули.

– Тянуть некому. Одинокий этот парнишка, что хочешь с ним делай, – отвечает приказчик.

Пришёл Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малахитовую оглядывает. На этой досочке зарез⁵⁵ сделан – кромку отбить. Вот Данилушко на это место уставился и головёнкой покачивает. Прокопъичу любопытно стало, что этот новенький парнишка тут разглядывает. Спросил строго, как по его правилу велось:

– Ты это что? Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

– На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его и срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

– Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь? Что ты понимать можешь?

– То и понимаю, что эту штуку испортили, – отвечает Данилушко.

– Кто испортил? а? Это ты, сопляк, мне – первому мастеру!.. Да я тебе такую порчу покажу... жив не будешь!

---

⁵⁵ Зарез – зарубка, надрез, вырезанное желобком место.

Пошумел так-то, покричал, а Данилушку пальцем не задел. Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал – с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором в самую точку попал. Прокричался Прокопъич и говорит вовсе уж добром:

– Ну-ко, ты, мастер явленный, покажи, как по-твоему сделать?

Данилушко и стал показывать да рассказывать:

– Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше – пустить досочку поуже, по чистому полю кромку отбить, только бы сверху плетешок⁵⁶ малый оставить.

Прокопъич знай покрикивает:

– Ну-ну... Как же! Много ты понимаешь. Накопил – не просыпь! – А про себя думает: «Верно парнишка говорит. Из такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стукни разок – он и ноги протянет».

Подумал так да и спрашивает:

– Ты хоть чей, экий учёный?

Данилушко и рассказал про себя.

Дескать, сирота. Матери не помню, а про отца и вовсе не знаю, кто был. Кличут Данилкой Недокормышем, а как отчество и прозвание отцовское – про то не знаю. Рассказал, как он в дворне был и за что его прогнали, как потом лето с коровьим стадом ходил, как под бой попал.

Прокопъич пожалел:

– Не сладко, гляжу, тебе, парень, житьишко-то задалось, а тут ещё ко мне попал. У нас мастерство строгое.

Потом будто рассердился, заворчал:

– Ну, хватит, хватит! Вишь, разговорчивый какой! Языком-то – не руками – всяк бы работал. Целый вечер лясы да балясы! Ученичок тоже! Погляжу вот завтра, какой у тебя толк. Садись ужинать, да и спать пора.

Прокопъич одиночкой жил. Жена-то у него давно

---

⁵⁶ Плетешок – плетёная опояска, косичка, сеточка.

умерла. Старушка Митрофановна из соседней снаходу⁵⁷ у него хозяйство вела. Утрами ходила постряпать, сварить чего, в избе прибрать, а вечером Прокопъич сам управлял, что ему надо.

Поели, Прокопъич и говорит:

– Ложись вон тут на скамеечке!

Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся, поёжился маленько, – вишь, холодно в избе-то было по осеннему времени, – всё-таки вскорости уснул. Прокопъич тоже лёг, а уснуть не мог: всё у него разговор о малахитовом узоре из головы нейдёт. Ворочался-ворочался, встал, зажѣг свечку да и к станку – давай эту малахитову досочку так и сяк примерять. Одну кромку закроет, другую... прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной повернёт, и всё выходит, что парнишка лучше узор понял.

– Вот тебе и Недокормышек! – дивится Прокопъич. – Ещё ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну и глазок! Ну и глазок!

Пошёл потихоньку в чулан, притащил оттуда подушку да большой овчинный тулуп. Подсунул подушку Данилушке под голову, тулупом накрыл:

– Спи-ко, глазастый!

А тот и не проснулся, повернулся только на другой бочок, растянулся под тулупом-то – тепло ему стало, – и давай насвистывать носом полегоньку. У Прокопъича своих ребят не было, этот Данилушко и припал ему к сердцу. Стоит мастер, любуется, а Данилушко знай посвистывает, спит себе спокойненько. У Прокопъича забота – как бы этого парнишку хорошенько на ноги поставить, чтоб не такой тощий да нездоровый был.

– С его ли здоровьишком нашему мастерству учиться. Пыль, отравы, – живо зачахнет. Отдохнуть бы ему сперва, подправиться, потом учить стану. Толк, видать, будет.

---

⁵⁷ Снаходу – приходиться на время.

На другой день и говорит Данилушке:

– Ты спервоначалу по хозяйству помогать будешь. Такой у меня порядок заведён. Понял? Для первого разу сходи за калиной. Её иньями прихватило, – в самый раз она теперь на пироги. Да, гляди, не ходи далеко-то. Сколь наберёшь – то и ладно. Хлеба возьми полишку, – естся в лесу-то, – да ещё к Митрофановне зайди. Говорил ей, чтоб тебе пару яичек испекла да молока в туесочек⁵⁸ плеснула. Понял?

На другой день опять говорит:

– Поймай-ко мне щеглёнка поголосистее да чечётку побойчее. Гляди, чтобы к вечеру были. Понял?

Когда Данилушко поймал и принёс, Прокопъич говорит:

– Ладно, да не вовсе. Лови других.

Так и пошло. На каждый день Прокопъич Данилушке работу даёт, а всё забава.

Как снег выпал, велел ему с соседом за дровами ездить – пособишь-де. Ну, а какая подмога! Вперёд на санях сидит, лошадью правит, а назад за возом пешком идёт. Промнётся так-то, поест дома да спит покрепче. Шубу ему Прокопъич справил, шапку тёплую, рукавицы, пимы⁵⁹ на заказ скатали. Прокопъич, видишь, имел достаток. Хоть крепостной был, а по оброку ходил⁶⁰, зарабатывал маленько. К Данилушке-то он крепко прилип. Прямо сказать, за сына держал. Ну, и не жалел для него, а к делу своему не подпускал до времени.

В хорошем-то житье Данилушко живо поправляться стал и к Прокопъичу тоже прильнул. Ну, как! – понял Прокопъичеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко

---

⁵⁸ Туясь, туесь, туесок, туесочек – берестяной бурак, кузовок.

⁵⁹ Пимы – валенки.

⁶⁰ По оброку ходил – платил барину оброк.

присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор. То, другое Прокопичу расскажет да и спрашивает это что да это как? Прокопич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется: «Ну-ко, я...» Прокопич глядит, поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Вот как-то раз приказчик и углядел Данилушку на пруду. Спрашивает своих-то вестовщиков:

– Это чей парнишка? Который день его на пруду вижу... По будням с удочкой балуется, а уж не маленький... Кто-то его от работы прячет...

Узнали вестовщики, говорят приказчику, а он не верит.

– Ну-ко, – говорит, – тащите парнишку ко мне, сам дознаюсь.

Привели Данилушку. Приказчик спрашивает:

– Ты чей?

Данилушко и отвечает:

– В ученье, дескать, у мастера по малахитному делу.

Приказчик тогда хватить его за ухо:

– Так-то ты, стервец, учишься! – Да за ухо и повёл к Прокопичу.

Тот видит – неладно дело, давай выгораживать Данилушку:

– Это я сам его послал окуньков половить. Сильно о свеженьких-то окуньках скучаю. По нездоровью моему другой еды принимать не могу. Вот и велел парнишке половить.

Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушко вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нём добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнёшки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

– Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушко запончик⁶¹ надел, подошёл к станку и да-

---

⁶¹ Запончик (запон, или запона) – рабочий мужской фартук, иногда кожаный.

вай рассказывать да показывать. Что приказчик спросит – у него на всё ответ готов. Как околтать⁶² камень, как распилить, фасочку снять⁶³, чем когда склеить, как полер навести⁶⁴, как на медь присадить, как на дерево. Одним словом, всё как есть.

Пытал-пытал приказчик да и говорит Прокопьючу:

– Этот, видно, гож тебе пришёлся?

– Не жалуюсь, – отвечает Прокопьюч.

– То-то, не жалуешься, а баловство разводишь! Тебе его отдали мастерству учиться, а он у пруда с удочкой! Смотри! Таких тебе свежих окуньков отпущу – до смерти не забудешь да и парнишке невесело станет.

Погрозился так-то, ушёл, а Прокопьюч дивуется:

– Когда хоть ты, Данилушко, всё это понял? Ровно я тебя ещё и вовсе не учил.

– Сам же, – говорит Данилушко, – показывал да рассказывал, а я примечал.

У Прокопьюча даже слёзы закапали, – до того ему это по сердцу пришлось.

– Сыночек, – говорит, – милый, Данилушко... Что ещё знаю, всё тебе открою... Не потаю...

Только с той поры Данилушке не стало вольготного житья. Приказчик на другой день послал за ним и работу на урок стал давать. Сперва, конечно, попроще что: бляшки, какие женщины носят, шкатулочки. Потом с точкой пошло: подсвечники да украшения разные. Там и до резьбы доехали. Листочки да лепесточки, узорчики да цветочки. У них ведь – малахитчиков – дело мешкотное. Пустьяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит! Так Данилушко и вырос за этой работой.

А как выточил зарукавье⁶⁵ – змейку из цельного камня,

---

⁶² Околтать – обтесать камень, придать ему основную форму.

⁶³ Фаску, фасочку снять – обточить грань.

⁶⁴ Полер навести – отполировать, отшлифовать.

⁶⁵ Зарукавье – браслет.

так его и вовсе мастером приказчик признал. Барину об этом отписал:

«Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитному делу – Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости ещё тих. Прикажете на уроках его оставить али, как и Прокопьяча, на оброк отпустить?»

Работал Данилушко вовсе не тихо, а на диво ловко да скоро. Это уж Прокопьяч тут сноровку поимел. Задаст приказчик Данилушке какой урок на пять дён, а Прокопьяч пойдёт да и говорит:

– Не в силу это. На такую работу полмесяца надо. Учится ведь парень. Поторопится – только камень без пользы изведёт.

Ну, приказчик поспорит сколько, а дней, глядишь, прибавит. Данилушко и работал без натуги. Поучился даже потихоньку от приказчика читать, писать. Так, самую малость, а всё ж таки разумел грамоте. Прокопьяч ему в этом тоже сноровлял⁶⁶. Когда и сам наладится приказчиковы уроки за Данилушку делать, только Данилушко этого не допускал:

– Что ты! Что ты, дяденька! Твоё ли дело за меня у станка сидеть! Смотри-ка, у тебя борода позеленела от малахиту, здоровьем скудаться⁶⁷ стал, а мне что делается?

Данилушко и впрямь к той поре выправился. Хоть по старинке его Недокормышем звали, а он вон какой! Высокий да румяный, кудрявый да весёлый. Одним словом, сухота⁶⁸ девичья. Прокопьяч уж стал с ним про невест заговаривать, а Данилушко, знай, головой потряхивает:

– Не уйдёт от нас! Вот мастером настоящим стану, тогда и разговор будет.

Барин на приказчиково известие отписал:

«Пусть тот Прокопьячев выученик Данилко сделает

---

⁶⁶ Сноровлять, сноровить – содействовать, помогать, делать кстати, по пути.

⁶⁷ Скудаться – хилеть, недомогать, хворать.

⁶⁸ Сухота – присуха, горе, тоска, кручина, забота.

ещё точёную чашу на ножке для моего дому. Тогда погляжу – на оброк отпустить али на уроках держать. Только ты гляди, чтобы Прокопъич тому Данилке не пособлял. Недоглядишь – с тебя взыск будет».

Приказчик получил это письмо, призвал Данилушку да и говорит:

– Тут, у меня, работать будешь. Станок тебе наладят, камню привезут, какой надо.

Прокопъич узнал, запечалился: как так? что за штука? Пошёл к приказчику, да разве он скажет... Закричал только: «Не твоё дело!»

Ну, вот пошёл Данилушко работать на ново место, а Прокопъич ему наказывает:

– Ты, гляди, не торопись, Данилушко! Не оказывай⁶⁹ себя.

Данилушко сперва остерегался. Примеривал да прикидывал больше, да тоскливо ему показалось. Делай не делай, а срок отбивай – сиди у приказчика с утра до ночи. Ну, Данилушко от скуки и сорвался на полную силу. Чаша-то у него живой рукой и вышла из дела. Приказчик поглядел, будто так и надо, да и говорит:

– Ещё такую же делай!

Данилушко сделал другую, потом третью. Вот когда он третью-то кончил, приказчик и говорит:

– Теперь не увернёшься! Поймал я вас с Прокопъичем. Барин тебе, по моему письму, срок для одной чаши дал, а ты три выточил. Знаю твою силу. Не обманешь больше, а тому старому псу покажу, как потворствовать! Другим кажет!

Так об этом и барину написал и чаши все три предоставил. Только барин, – то ли на него умный стих нашёл, то ли он на приказчика за что сердит был, – всё как есть наоборот повернул.

---

⁶⁹ Оказывать – обнаруживать, показывать.

Оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопьяча брать – может-де, вдвоём скорее придумают что новенькое. При письме чертёж послал. Там тоже чаша нарисована со всякими штуками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки. Одним словом, придумано. А на чертеже барин подписал: «Пусть хоть пять лет просидит, а чтобы такая в точности сделана была».

Пришлось тут приказчику от своего слова отступить. Объявил, что барин написал, отпустил Данилушку к Прокопьячу и чертёж отдал.

Повеселели Данилушко с Прокопьячем, и работа у них бойчее пошла. Данилушко вскоре за ту новую чашу принялся. Хитрости в ней многое множество. Чуть неладно ударил, – пропала работа, снова начинай. Ну, глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватит – хорошо идёт дело. Одно ему не по нраву – трудности много, а красоты ровно и вовсе нет. Говорил Прокопьячу, а он только удивился:

– Тебе-то что? Придумали – значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они – толком и не знаю.

Пробовал с приказчиком поговорить, так куда тебе. Ногами затопал, руками замахал:

– Ты очумел? За чертёж большие деньги плачены. Художник, может, по столице первый его делал, а ты пере-суживать выдумал!

Потом, видно, вспомнил, что барин ему заказывал, – не выдумают ли вдвоём чего новенького, – и говорит:

– Ты вот что... делай эту чашу по барскому чертежу, а если другую от себя выдумаешь – твоё дело. Мешать не стану. Камня у нас, поди-ко, хватит. Какой надо – такой и дам.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано – чужое охаять мудрости немного надо, а своё придумать –

не одну ночку с боку на бок повертишься. Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает. Переводит в голове, какой цветок, какой листок к малахитовому камню лучше подойдёт. Задумчивый стал, невесёлый. Прокопъич заметил, спрашивает:

– Ты, Данилушко, здоров ли? Полегче бы с этой чашей. Куда торопиться? Сходил бы в разгулку куда, а то всё сидишь да сидишь.

– И то, – говорит Данилушко, – в лес хоть сходить. Не увижу ли, что мне надо.

С той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное, ягодное. Травы все в цвету. Данилушко остановится где на покосе либо на полянке в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. Людей в ту пору в лесу и на покосах много. Спрашивают Данилушку – не потерял ли чего? Он улыбнётся этак невесело да и скажет:

– Потерять не потерял, а найти не могу.

Ну, которые и заговаривали:

– Неладно с парнем.

А он придёт домой и сразу к станку, да до утра и сидит, а с солнышком опять в лес да на покосы. Листки да цветки всякие домой притаскивать стал, а всё больше из объеди⁷⁰: черемицу да омег, дурман да багульник, да резуны всякие. С лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял. Прокопъич вовсе забеспокоился, а Данилушко и говорит:

– Чаша мне покою не даёт. Охота так её сделать, чтобы камень полную силу имел.

Прокопъич давай отговаривать:

– На что она тебе далась? Сыты ведь, чего ещё? Пущай бары тешатся, как им любо. Нас бы только не задевали. Придумают какой узор – сделаем, а навстречу-то им зачем лезть? Лишний хомут надевать – только и всего.

---

⁷⁰ Объедь – ядовитые растения, которыми объедается скот.

Ну, Данилушко на своём стоит.

– Не для барина, – говорит, – стараюсь. Не могу из головы выбросить ту чашу. Вижу, поди-ко, какой у нас камень, а мы что с ним делаем? Точим, да режем, да полер наводим и вовсе ни к чему. Вот мне и припало желание так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать.

По времени отошёл Данилушко, сел опять за ту чашу, по барскому-то чертежу. Работает, а сам посмеивается:

– Лента каменная с дырками, каёмочка резная...

Потом вдруг забросил эту работу. Другое начал. Без передышки у станка стоит.

Прокопъичу сказал:

– По дурман-цветку свою чашу делать буду.

Прокопъич отговаривать принялся. Данилушко сперва и слушать не хотел, потом, дня через три-четыре, как у него какая-то оплошка вышла, и говорит Прокопъичу:

– Ну ладно. Сперва барскую чашу кончу, потом за свою примусь. Только ты уж тогда меня не отговаривай... Не могу её из головы выбросить.

Прокопъич отвечает:

– Ладно, мешать не стану, – а сам думает: «Уходитя парень, забудет. Женить его надо. Вот что! Лишняя дурь из головы вылетит, как семьёй обзаведётся».

Занялся Данилушко чашей. Работы в ней много – в один год не укладёшь. Работает усердно, про дурман-цветок не поминает. Прокопъич и стал про женитьбу заговаривать:

– Вот хоть бы Катя Летемина – чем не невеста? Хорошая девушка... Похаять нечем.

Это Прокопъич-то от ума говорил. Он, вишь, давно заметил, что Данилушко на эту девушку сильно поглядывал. Ну, и она не отворачивалась. Вот Прокопъич, будто ненароком, и заводил разговор. А Данилушко своё твердит:

– погоди! Вот с чашкой управлюсь. Надоела мне она. Того и гляди – молотком стукну, а он про женитьбу! Уговорились мы с Катей. Подождёт она меня.

Ну, сделал Данилушко чашу по барскому чертежу. Приказчику, конечно, не сказали, а дома у себя гулянку маленькую придумали сделать. Катя – невеста-то – с родителями пришла, ещё которые... из мастеров же малахитных больше. Катя дивится на чашу.

– Как, – говорит, – только ты ухитрился узор такой вырезать и камня нигде не обломил! До чего всё гладко да чисто обточено!

Мастера тоже одобряют:

– В аккурат-де по чертежу. Придраться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать, да и скоро. Так-то работать станешь – пожалуй, нам тяжело за тобой тянуться.

Данилушко слушал-слушал да и говорит:

– То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить.

– А где оплошал, – смеются мастера, – там подклеил да полером прикрыл, и концов не найдёшь.

– Вот-вот... А где, спрашиваю, красота камня? Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!

Горячиться стал. Выпил, видно, маленько.

Мастера и говорят Данилушке, что ему Прокопьяч не раз говорил:

– Камень – камень и есть. Что с ним сделаешь? Наше дело такое – точить да резать.

Только был тут старичок один. Он ещё Прокопьяча и

тех – других-то мастеров – учил! Все его дедушкой звали. Вовсе ветхий старичоночко, а тоже этот разговор понял да и говорит Данилушке:

– Ты, милый сын, по этой половице не ходи! Из головы выбрось! А то попадешь к Хозяйке в горные мастера...

– Какие мастера, дедушко?

– А такие... в горе живут, никто их не видит... Что Хозяйке понадобится, то они сделают. Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку.

Всем любопытно стало. Спрашивают, какую поделку видел.

– Да змейку, – говорит, – ту же, какую вы на зарукавье точите.

– Ну, и что? Какая она?

– От здешних, говорю, на отличку. Любой мастер увидит, сразу узнает – не здешняя работа. У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик чёрненький, глазки... Того и гляди – клюнет. Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли.

Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал:

– Не знаю, милый сын. Слышал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет.

Данилушко на это и говорит:

– Я бы поглядел.

Тут Катенька, невеста-то его, так и затрепыхалась:

– Что ты, что ты, Данилушко! Неуж тебе белый свет наскучил? – да в слёзы.

Прокопъич и другие мастера смели л и дело, давай старого мастера на смех подымать:

– Выживаться из ума, дедушко, стал. Сказки сказываешь. Парня зря с пути сбиваешь.

Старик разгорячился, по столу стукнул:

– Есть такой цветок! Парень правду говорит: камень мы не разумеем. В том цветке красота показана.

Мастера смеются:

– Хлебнул, дедушко, лишка!

А он своё:

– Есть каменный цветок!

Разошлись гости, а у Данилушки тот разговор из головы не выходит. Опять стал в лес бегать да около своего дурман-цветка ходить, про свадьбу и не поминает. Прокопыч уж понуждать стал:

– Что ты девушку позоришь? Который год она в невестах ходить будет? Того жди – пересмеивать её станут. Мало смотниц-то⁷¹?

Данилушко одно своё:

– Погоди ты маленько! Вот только придумаю да камень подходящий подберу.

И повадился на медный рудник – на Гумешки-то. Когда в шахту спустится, по забоям обойдёт, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его да и говорит:

– Нет, не тот...

Только это промолвил, кто-то и говорит:

– В другом месте поищи... у Змеиной горки.

Глядит Данилушко – никого нет. Кто бы это?

Шутят, что ли... Будто и спрятаться негде. Поогляделся ещё, пошёл домой, а вслед ему опять:

– Слышь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко – женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало.

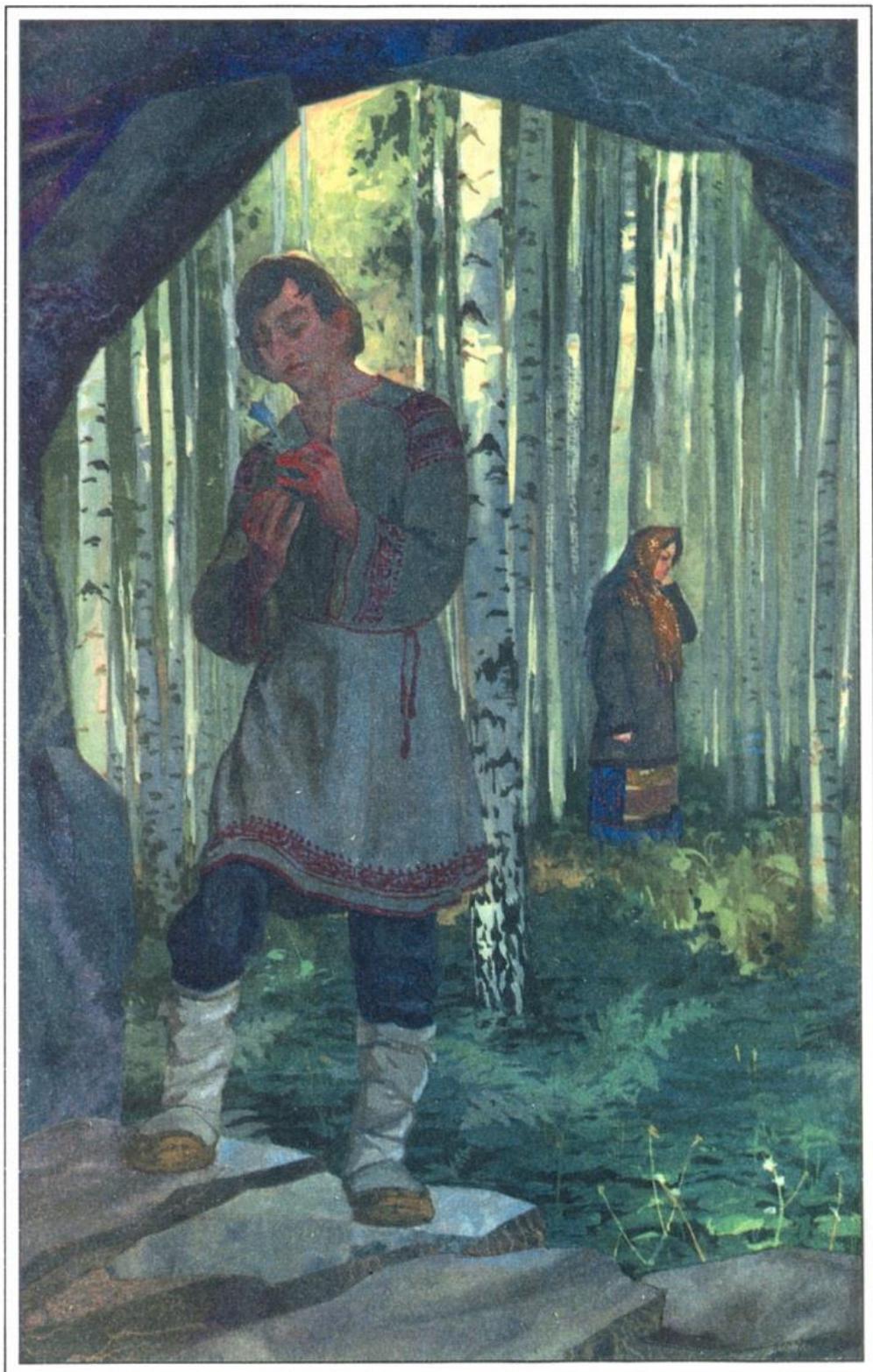
«Что, – думает, – за штука? Неуж сама? А что, если сходить на Змеиную-то?»

Змеиную горку Данилушко хорошо знал. Тут же она была, недалеко от Гумешек. Теперь её нет, давно всю срыли, а раньше камень поверху брали.

Вот на другой день и пошёл туда Данилушко.

---

⁷¹ Смотник,-ца – сплетник,-ца.

Горка хоть небольшая, а крутенькая. С одной стороны и вовсе как срезано. Глядельце⁷² тут первосортное. Все пласты⁷³ видно, лучше некуда.

Подошёл Данилушко к этому глядельцу, а тут малахитина выворочена. Большой камень – на руках не унести, и будто обделан вроде кустика. Стал оглядывать Данилушко эту находку. Всё, как ему надо: цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется... Ну, всё как есть... Обрадовался Данилушко, скорей за лошадью побежал, привёз камень домой, говорит Прокопъичу:

– Гляди-ко, камень какой! Ровно нарочно для моей работы. Теперь живо сделаю. Тогда и жениться. Верно, заждалась меня Катенька. Да и мне это не легко. Вот только эта работа меня и держит. Скорее бы её кончить!

Ну, и принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопъич помалкивает. Может, угомонится парень, как охотку стешит. Работа ходко идёт. Низ камня отделал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие кучкой, зубчики, прожилки – всё пришлось лучше нельзя. Прокопъич и то говорит – живой цветок-то, хоть рукой пощупать. Ну, как до верху дошёл – тут заколодило. Стебелёк выточил, боковые листики тонёхоньки – как только держатся! Чашку, как у дурман-цветка, а не то... Не живой стал и красоту потерял. Данилушко тут и сна лишился. Сидит над этой своей чашей, придумывает, как бы поправить, лучше сделать. Прокопъич и другие мастера, кои заходили поглядеть, дивятся, – чего ещё парню надо? Чашка вышла – никто такой не дельвал, а ему неладно. Умуется⁷⁴ парень, лечить его надо. Катенька слышит, что люди говорят, – поплакивать стала. Это Данилушку и образумило.

---

⁷² Глядельце – разлом горы, глубокая промоина, выворотень от упавшего дерева – место, где видно напластование горных пород.

⁷³ Пласты – горные породы располагаются слоями, слой горной породы называется пластом.

⁷⁴ Умуется – близок к помешательству, заговаривается.

– Ладно, – говорит, – больше не буду. Видно, не податься мне выше-то, не поймать силу камня. – И давай сам торопить со свадьбой.

Ну, а что торопить, коли у невесты давным-давно всё готово. Назначили день. Повеселел Данилушко. Про чашу-то приказчику сказал. Тот прибежал, глядит вот штука какая! Хотел сейчас эту чашу барину отправить, да Данилушко говорит:

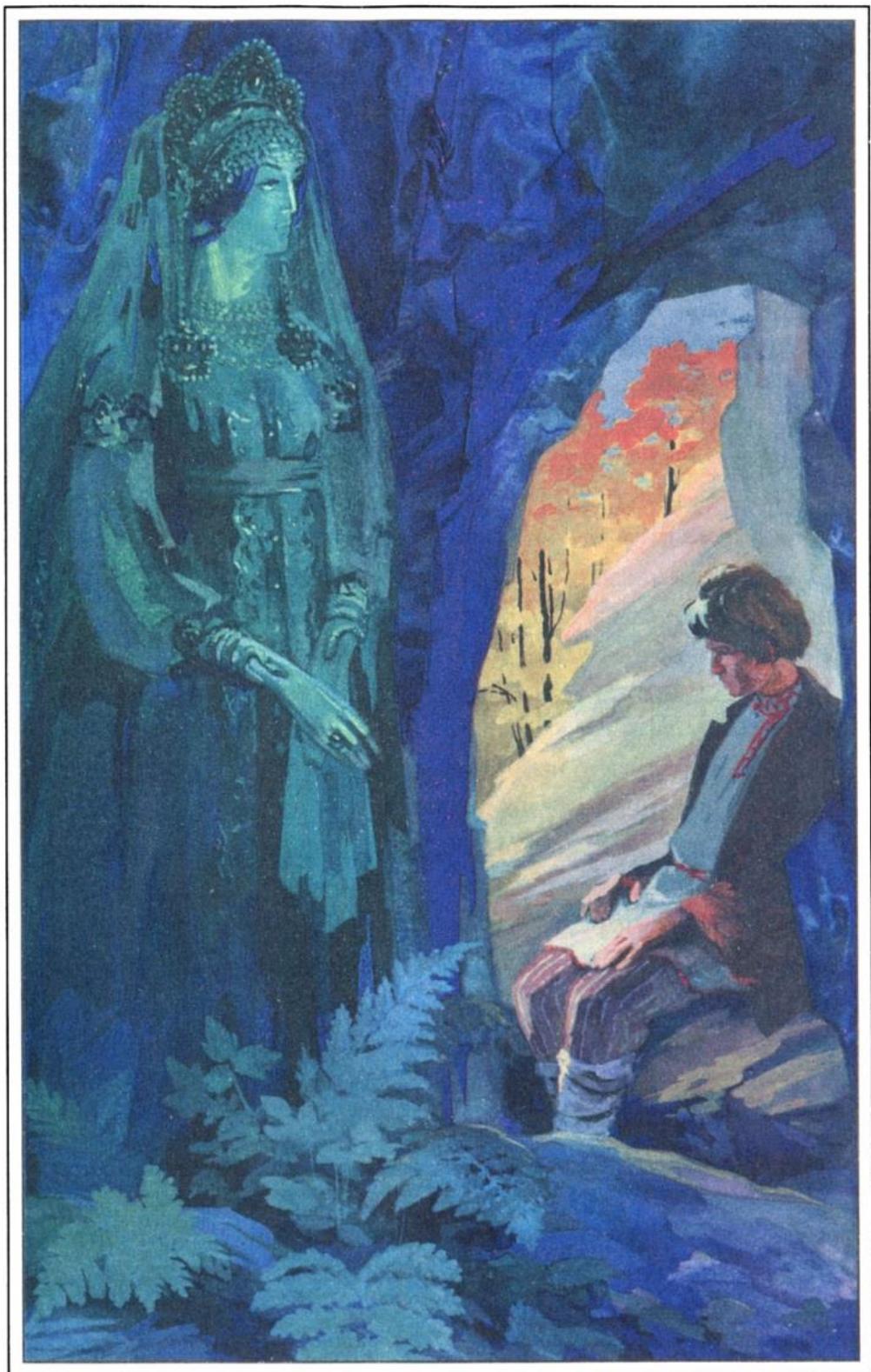
– Погоди маленько, доделка есть.

Время осеннее было. Как раз около Змеиного праздника свадьба пришлась. К слову, кто-то и помянул про это – вот-де скоро змеи все в одно место соберутся. Данилушко эти слова на приметку взял. Вспомнил опять разговоры о малахитовом цветке. Так его и потянуло: «Не сходить ли последний раз к Змеиной горке? Не узнаю ли там чего?» – и про камень припомнил: «Ведь как положенный был! И голос на руднике-то... про Змеиную же горку говорил».

Вот и пошёл Данилушко! Земля тогда уже подмерзать стала, снежок припорошивал. Подошёл Данилушко ко крутику, где камень брал, глядит, а на том месте выбоина большая, будто камень ломали. Данилушко о том не подумал, кто это камень ломал, зашёл в выбоину. «Посижу, – думает, – отдохну за ветром. Потеплее тут». Глядит – у одной стены камень-серовик, вроде стула. Данилушко тут и сел, задумался, в землю глядит, и всё цветок тот каменный из головы нейдёт. «Вот бы поглядеть!» Только вдруг тепло стало, ровно лето воротилось. Данилушко поднял голову, а напротив, у другой-то стены, сидит Медной горы Хозяйка. По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу её признал. Только и то думает:

«Может, мне это кажется, а на деле никого нет». Сидит – молчит, глядит на то место, где Хозяйка, и будто ничего не видит. Она тоже молчит, вроде как призадумалась. Потом и спрашивает:

– Ну, что, Данило-мастер, не вышла твоя дурман-чаша?

– Не вышла, – отвечает.

– А ты не вешай голову-то! Другое попробуй. Камень тебе будет, по твоим мыслям.

– Нет, – отвечает, – не могу больше. Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок.

– Показать-то, – говорит, – просто, да потом жалеть будешь.

– Не отпустишь из горы?

– Зачем не отпущу! Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются.

– Покажи, сделай милость!

Она ещё его уговаривала:

– Может, ещё попытаешь сам добиться! – Про Прокопыча тоже помянула: – Он-де тебя пожалел, теперь твой черёд его пожалеть. – Про невесту напомнила: – Души в тебе девка не чаёт, а ты на сторону глядишь.

– Знаю я, – кричит Данилушко, – а только без цветка мне жизни нет. Покажи!

– Когда так, – говорит, – пойдём, Данило-мастер, в мой сад.

Сказала и поднялась. Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну, всякие... Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и голк⁷⁵ дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная... Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идёт.

И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут, как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. На этих кустах большие зелёные колокольцы

---

⁷⁵ Голк – шум, гул, отзвук.

малахитовы и в каждом сурьянная⁷⁶ звёздочка. Огневые пчёлки над теми цветками сверкают, а звёздочки тонёхонько позванивают, ровно поют.

– Ну, Данило-мастер, поглядел? – спрашивает Хозяйка.

– Не найдёшь, – отвечает Данилушко, – камня, чтобы так-то сделать.

– Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, теперь не могу. – Сказала и рукой махнула. Опять зашумело, и Данилушко на том же камне, в ямине-то этой окаялся. Ветер так и свистит. Ну, известно, осень.

Пришёл Данилушко домой, а в этот день как раз у невесты вечеринка была. Сначала Данилушко весёлым себя показывал – песни пел, плясал, а потом и затуманился. Невеста даже испугалась:

– Что с тобой? Ровно на похоронах ты!

А он и говорит:

– Голову разломило. В глазах чёрное с зелёным да красным. Света не вижу.

На этом вечеринка и кончилась. По обряду невеста с подружками провожать жениха пошла.

А много ли дороги, коли через дом либо через два жили. Вот Катенька и говорит:

– Пойдёмте, девушки, кругом. По нашей улице до конца дойдём, а по Еланской воротимся.

Про себя думает: «Пообдует Данилушку ветром, – не лучше ли ему станет».

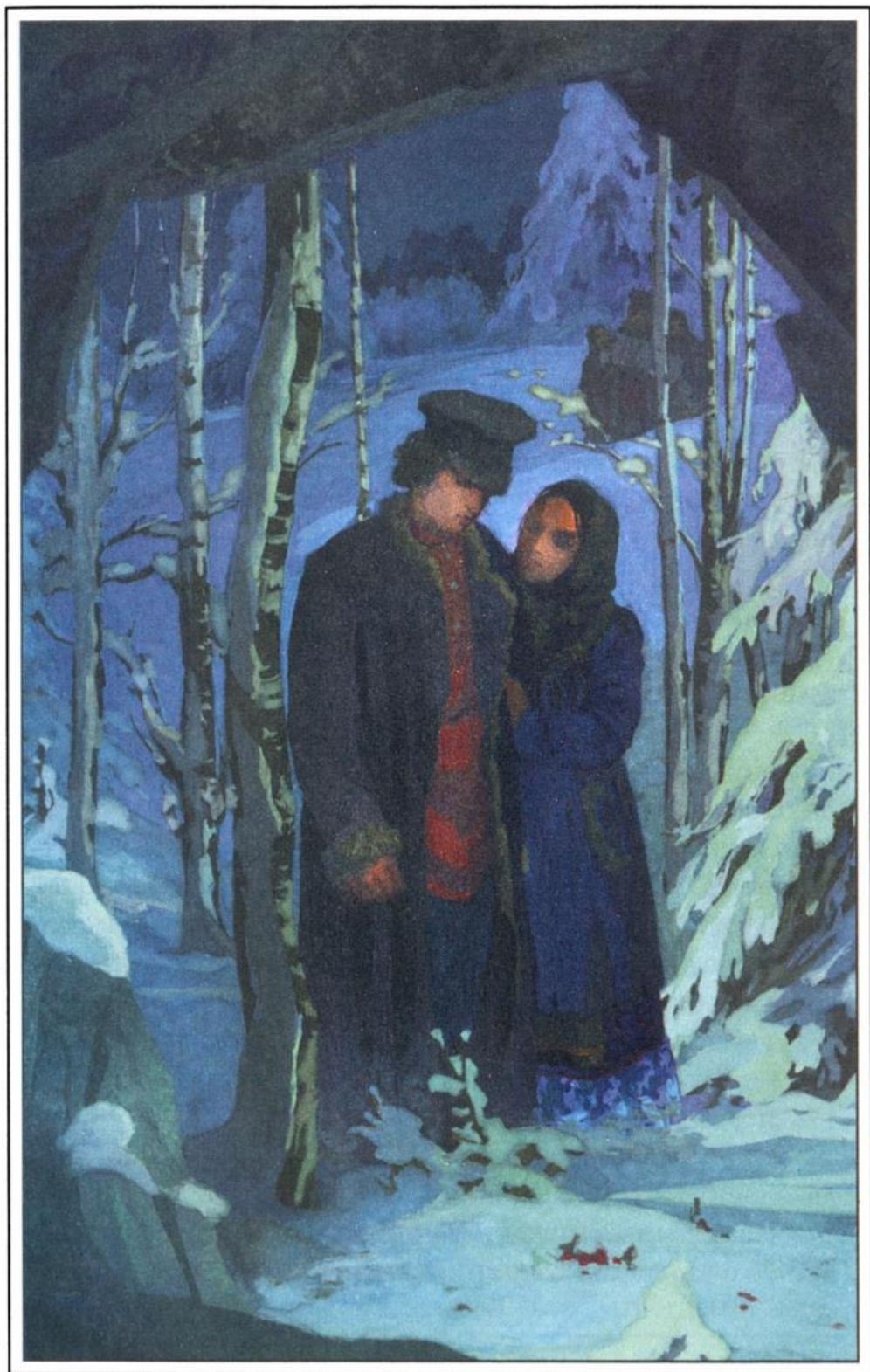
А подружкам что... Рады-радёхоньки.

– И то, – кричат, – проводить надо. Шибко он близко живёт – провожальную песню ему по-доброму вовсе не певали.

Ночь-то тихая была, и снежок падал. Самое для разгулки время. Вот они и пошли. Жених с невестой попереду, а подружки невестины с холостяжником, который на вече-

---

⁷⁶ Сурьянный – окрашенный в чёрный цвет.

ринке был, поотстали маленько. Завели девки эту песню провожальную. А она протяжно да жалобно поётся, чисто по покойнику. Катенька видит вовсе ни к чему это: «И без того Данилушко у меня невесёлый, а они ещё причитанье петь придумали».

Старается отвести Данилушко на другие думки. Он разговорился было, да только скоро опять запечалился. Подружки Катенькины тем временем провожальную кончили, за весёлые принялись. Смех у них да беготня, а Данилушко идёт, голову повесил. Сколь Катенька ни старается, не может развеселить. Так и до дому дошли. Подружки с холостяжником стали расходиться – кому куда, а Данилушко уж без обряда невесту свою проводил и домой пошёл.

Прокопъич давно спал. Данилушко потихоньку зажѣг огонь, выволок свои чаши на середину избы и стоит, оглядывает их. В это время Прокопъича кашлем бить стало. Так и надрывается. Он, вишь, к тем годам вовсе нездоровый стал. Кашлем-то этим Данилушко как ножом по сердцу резнуло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика стало. А Прокопъич прокашлялся, спрашивает:

– Ты что это с чашами-то?

– Да вот гляжу, не пора ли сдавать?

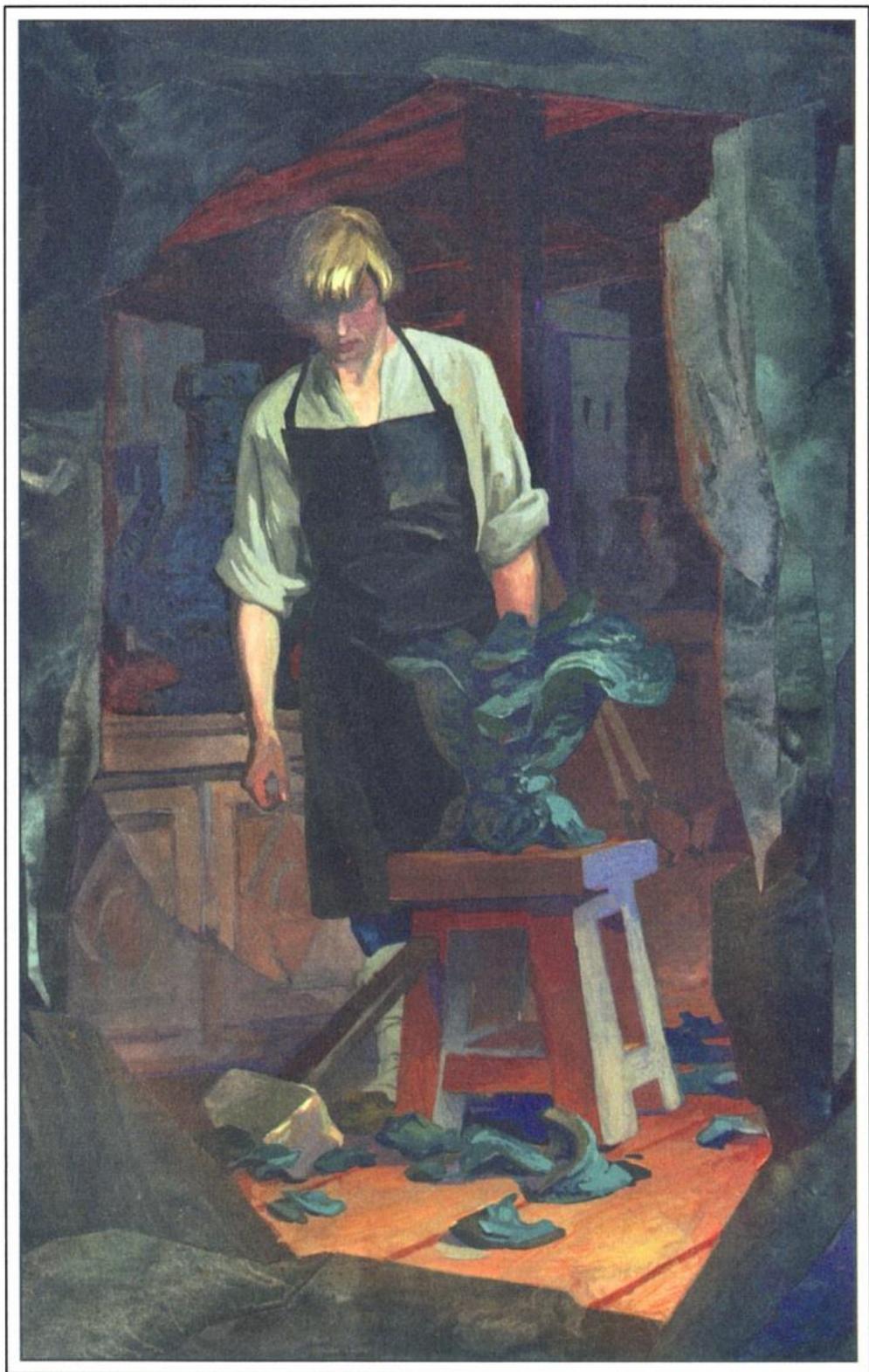
– Давно, – говорит, – пора. Зря только место занимают. Лучше всё равно не сделаешь.

Ну, поговорили ещё маленько, потом Прокопъич опять уснул. И Данилушко лёг, только сна ему нет и нет. Поворочался-поворочался, опять поднялся, зажѣг огонь, поглядел на чаши, подошёл к Прокопъичу. Постоял тут над стариком-то, повздыхал...

Потом взял балодку⁷⁷ да как ахнет по дурман-цветку, – только схрупало. А ту чашу, – по барскому-то чертежу, –

---

⁷⁷ Балодка – одноручный молот.

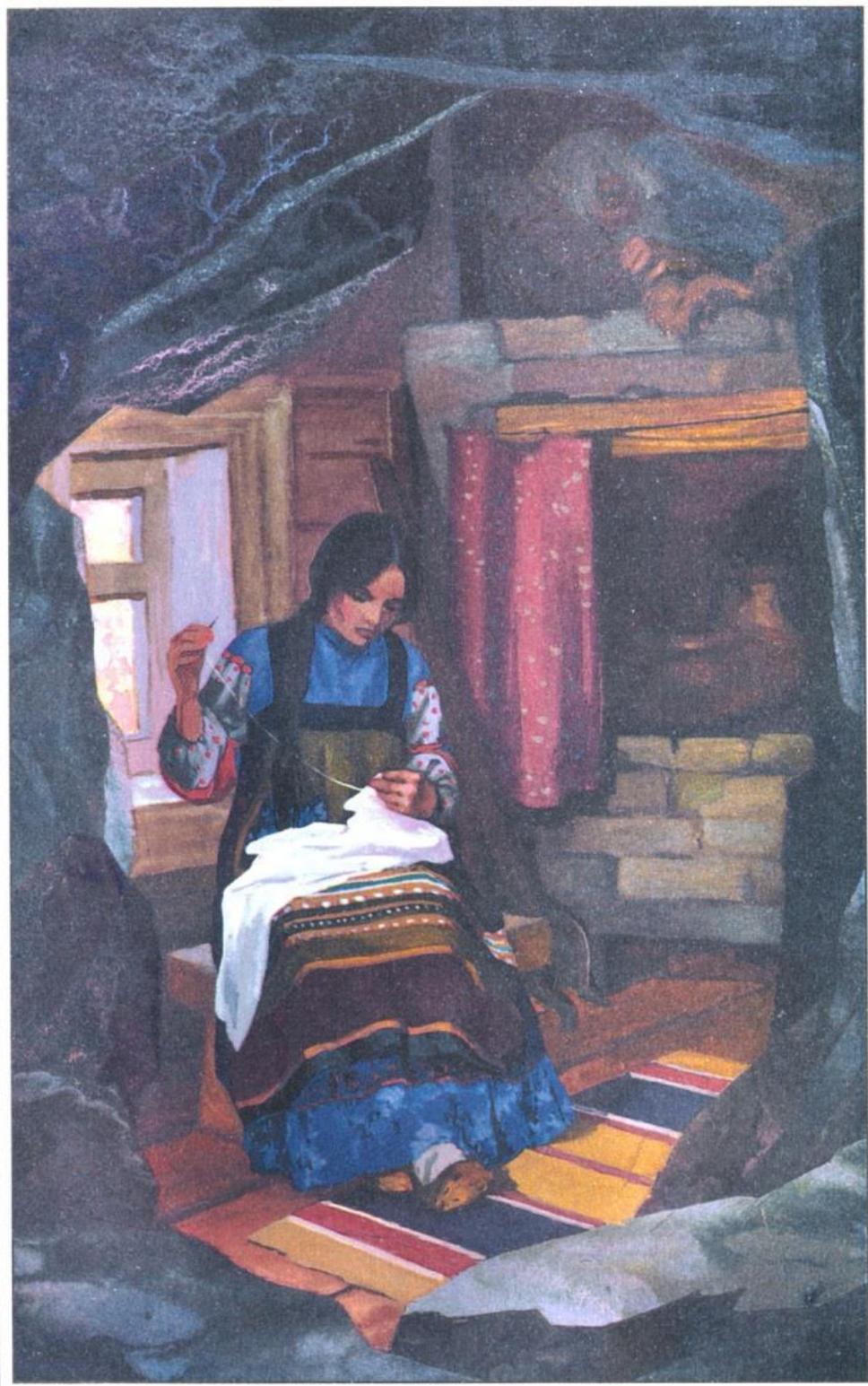

не пошевелил! Плюнул только в серёдку и выбежал. Так с той поры Данилушку и найти не могли.

Кто говорил, что он ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал – Хозяйка взяла его в горные мастера.

На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет.

Катя – Данилова-то невеста – незамужницей осталась. Года два либо три прошло, как Данило потерялся, – она и вовсе из невестинской поры вышла. За двадцать-то годов, по-нашему, по-заводскому, перестарок считается. Парни таких редко сватают, вдовцы больше. Ну, а эта Катя, видно, пригожая была, к ней всё женихи лезут, а у ней только и слов:

– Данилу обещалась.

Её уговаривают:

– Что поделаешь! Обещалась, да не вышла. Теперь об этом и поминать не к чему. Давно человек изгиб⁷⁸.

Катя на своём стоит:

– Данилу обещалась. Может, и придёт ещё он.

Ей толкуют:

– Нет его в живых. Верное дело.

А она упёрлась на своём:

– Никто его мёртвым не видал, а для меня он и подавно живой.

Видят – не в себе девка, – отстали. Иные на смех ещё подымать стали: прозвали её мертвяковой⁷⁹ невестой. Ей это прильнуло. Катя Мертвякова да Катя Мертвякова, ровно другого прозвания не было.

Тут какой-то мор на людей случился, и у Кати старики-то оба умерли. Родство у неё большое. Три брата женатых да сестёр замужних сколько-то. Рассорка промеж ними и вышла – кому на отцовском месте оставаться. Катя видит – бестолковщина пошла, и говорит:

– Пойду-ко я в Данилушкову избу жить. Вовсе Прокосьич старый стал. Хоть за ним похожу.

---

⁷⁸ Человек изгиб – то есть погиб, пропал.

⁷⁹ Мертвяк – мертвец, иногда – только потерявший сознание («Сколько часов мертвяком лежал»).

Братья-сёстры уговаривать, конечно:

– Не подходит это, сестра. Прокопъич хоть старый человек, а мало ли что про тебя сказать могут.

– Мне-то, – отвечает, – что? Не я сплетницей стану. Прокопъич, поди-ко, мне не чужой. Приёмный отец моему Данилу. Тятенькой его звать буду.

Так и ушла. Оно и то сказать: семейные не крепко вязались. Про себя думали: лишний из семьи – шуму меньше. А Прокопъич что? Ему по душе пришлось.

– Спасибо, – говорит, – Катенька, что про меня вспомнила.

Вот и стали они поживать. Прокопъич за станком сидит, а Катя по хозяйству бегаёт – в огороде там, сварить-постряпать и протча. Хозяйство невелико, конечно, на двоих-то... Катя – девушка проворная, долго ли ей!.. Управится и садится за какое рукоделье: сшить-связать, мало ли. Сперва у них гладенько катилось, только Прокопъичу всё хуже да хуже. День сидит, два лежит. Изробился, старый стал. Катя и заподумывала, как они дальше-то жить станут.

«Рукоделем женским не прокормишься, а другого ремесла не знаю».

Вот и говорит Прокопъичу:

– Тятенька! Ты бы хоть научил меня чему попроще.

Прокопъичу даже смешно стало.

– Что ты это! Девичье ли дело за малахитом сидеть! Отродясь такого не слыхивал.

Ну, она всё ж таки присматриваться к Прокопъичеву ремеслу стала. Помогала ему, где можно. Распилить там, пошлифовать. Прокопъич и стал ей то-другое показывать. Не то, чтобы настояще. Бляшку обточить, ручки к вилкам-ножам сделать и протча, что в ходу было. Пустяшно, конечно, дело, копеечно, а всё разоставок при случае.

Прокопъич недолго зажился. Тут братья-сёстры уж по-нуждать Катю стали:

– Теперь тебе заневолю надо замуж выходить. Как ты одна жить будешь?

Катя их обрезала:

– Не ваша печаль. Никакого мне вашего жениха не надо. Придёт Данилушко. Выучится в горе и придёт.

Братья-сёстры руками на неё машут:

– В уме ли ты, Катерина? Эдакое и говорить грех! Давно умер человек, а она его ждёт! Гляди, ещё блазнить⁸⁰ станет.

– Не боюсь, – отвечает, – этого.

Тогда родные спрашивают:

– Чем ты хоть жить-то станешь?

– Об этом, – отвечает, – тоже не заботьтесь. Продержусь одна.

Братья-сёстры так поняли, что от Прокопьяча деньжонки остались, и опять за своё:

– Вот и вышла дура! Коли деньги есть, мужика беспрременно в доме надо. Не ровен час, – поохотится кто за деньгами. Свернут тебе башку, как курёнку. Только и свету видела.

– Сколько, – отвечает, – на мою долю положено, столько и увижу.

Братья-сёстры долго ещё шумели. Кто кричит, кто уговаривает, кто плачет, а Катя заколодила своё:

– Продержусь одна. Никакого вашего жениха не надо. Давно у меня есть.

Осердились, конечно, родные:

– В случае, к нам и глаз не показывай!

– Спасибо, – отвечает, – братцы милые, сестрицы любезные! Помнить буду. Сами-то не забудьте – мимо похаживайте!

Смеётся, значит. Ну, родня и дверями хлоп.

Осталась Катя одна-одинёшенька. Поплакала, конечно, сперва, потом и говорит:

---

⁸⁰ Блазнить – казаться, мерещиться.

– Врешь! Не поддамся!

Вытерла слёзы и по хозяйству занялась. Мыть да скоблить – чистоту наводить. Управилась – и сразу к станку села. Тут тоже свой порядок наводить стала. Что ей не нужно, то подальше, а что постоянно требуется, то под руку. Навела так-то порядок и хотела за работу садиться:

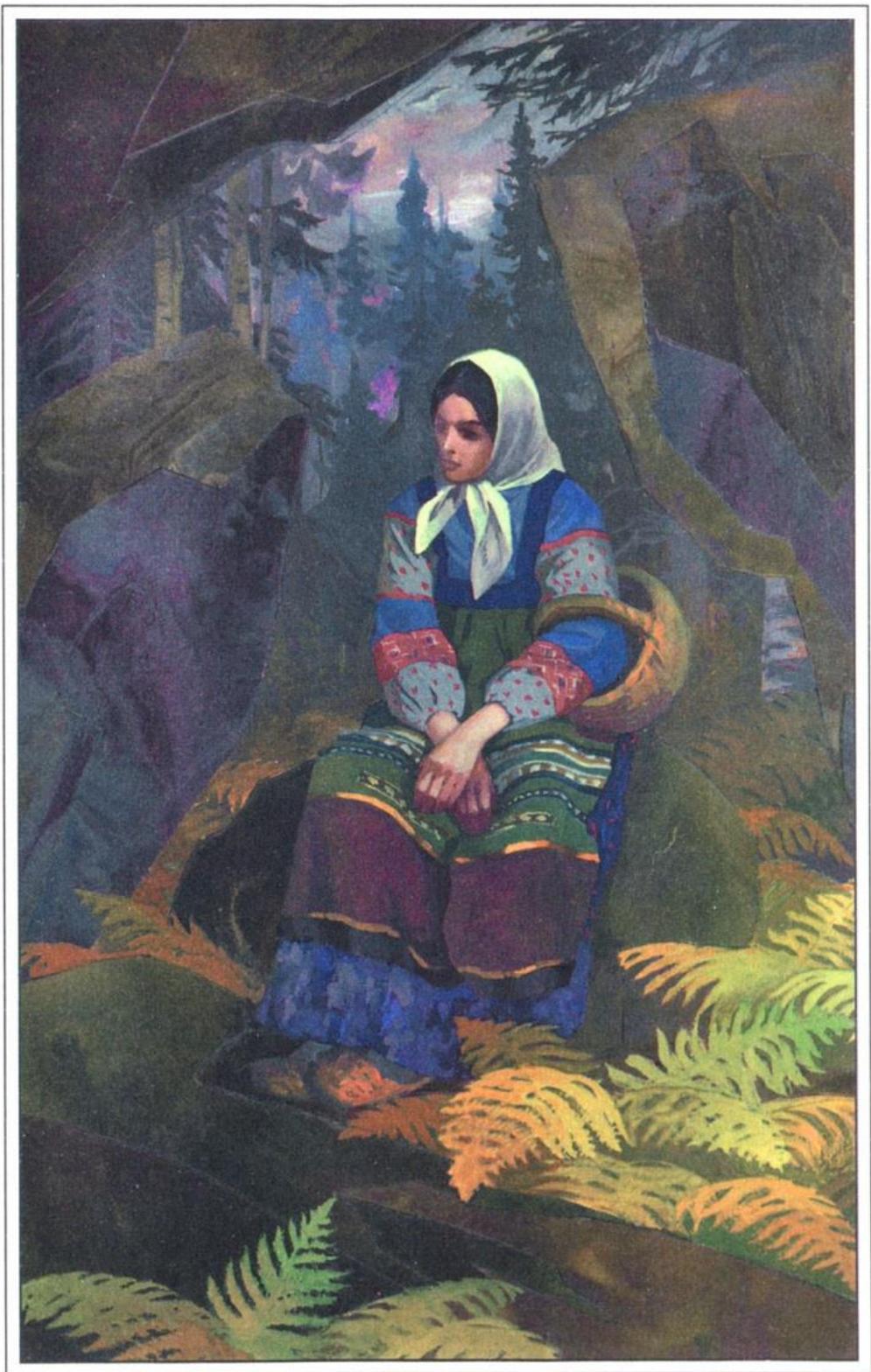
«Попробую сама хоть одну бляшку обточить».

Хватились, а камня подходящего нет. Обломки Данилушковой дурман-чашки остались, да Катя берегла их. В особом узле они были завязаны. И Прокопьяча камня, конечно, много было. Только Прокопьяч до смерти на больших работах сидел. Ну, и камень всё крупный. Обломышки да кусочки все подобрались – порасходовались на мелкую поделку. Вот Катя и думает:

«Надо, видно, сходить на руднишных отвалах поискать. Не попадёт ли подходящий камешок».

От Данилы да и от Прокопьяча она слыхала, что они у Змеиной горки брали. Вот туда и пошла.

На Гумешках, конечно, всегда народ: кто руду разбирает, кто возит. Глядят на Катю-то – куда она с корзинкой пошла. Кате это нелюбо, что на неё зря глаза пялят. Она и не стала на отвалах с этой стороны искать, обошла горку-то. А там ещё лес рос. Вот Катя по этому лесу и забралась на самую Змеиную горку, да тут и села. Горько ей стало – Данилушку вспомнила. Сидит на камне, а слёзы так и бегут. Людей нет, лес кругом, – она и не сторожится. Так слёзы на землю и каплют. Поплакала, глядит – у самой ноги малахит-камень обозначился, только весь в земле сидит. Чем его возьмёшь, коли ни кайлы, ни лома? Катя всё-таки пошевелила его рукой. Показалось, что камень не крепко сидит. Вот она и давай прутиком каким-то землю отгребать от камня. Отгребла, сколько можно, стала вышатывать. Камень и подался. Как хрупнуло снизу, – ровно сучок обломился. Камешок небольшой, вроде плитки. Толщиной пальца в три, шириной в ладонь, а длиной не больше двух четвертей. Катя даже подивилась.

– Как раз по моим мыслям. Распилю его, так сколько бляшек выйдет. И потери самый пустяк.

Принесла камень домой и сразу занялась распиливать. Работа не быстрая, а Кате ещё надо по домашности управляться. Глядишь, весь день в работе, и скучать некогда.

Только как за станок садиться, всё про Данилушку вспомнит:

– Поглядел бы он, какой тут новый мастер объявился. На его-то да Прокопьевичевом месте сидит!

Нашлись, конечно, охальники. Как без этого... Ночью под какой-то праздник засиделась Катя за работой, а трое парней и перелезли к ней в ограду. Попугать хотели али и ещё что – их дело, только все выпивши. Катя ширкает пилы-то и не слышит, что у ней в сенках люди. Услышала, когда уж в избу ломиться стали:

– Отворяй, мертвякова невеста! Принимай живых гостей!

Катя сперва уговаривала их:

– Уходите, ребята!

Ну, им это ничего. Ломятся в дверь, того и гляди – сорвут. Тут Катя скинула крючок, расхлобыснула двери и кричит:

– Заходи, нето. Кого первого лобанить?

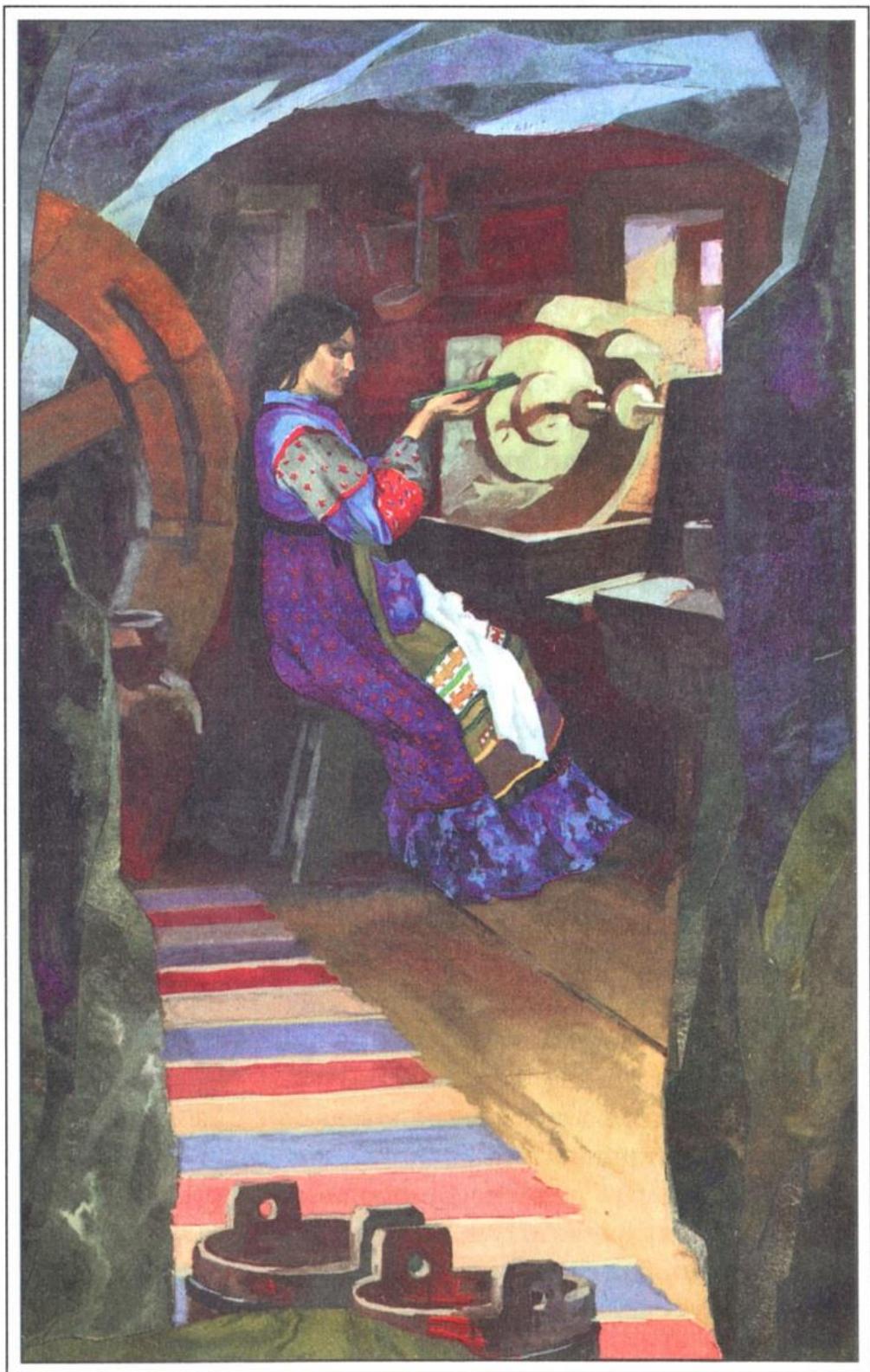
Парни глядят, а она с топором.

– Ты, – говорят, – без шуток!

– Какие, – отвечает, – шутки! Кто за порог, того и по лбу.

Парни хоть пьяные, а видят – дело нешуточное. Девка возрастная, оплечье крутое, глаз решительный, и топор, видать, в руках бывал. Не посмели ведь войти-то. Пошумели-пошумели, убрались да ещё сами же про это рассказали. Парней и стали дразнить, что они трое от одной девки убежали. Им это не полюбилось, конечно, они и сплели, будто Катя не одна была, а за ней мертвяк стоял.

– Да такой страшный, что заневолю убежишь.

Парням поверили – не поверили, а по народу с той поры пошло:

– Нечисто в этом доме. Недаром она одна-одинёшенька живёт.

До Кати это донеслось, да она печалиться не стала. Ещё подумала: «Пушай плетут. Мне так-то и лучше, если побаиваться станут. Другой раз, глядишь, не полезут».

Соседи и на то дивятся, что Катя за станком сидит. На смех её подняли:

– За мужичье ремесло принялась! Что у неё выйдет!

Это Кате солонее пришлось. Она и сама подумывала: «Выйдет ли у меня у одной-то?» Ну, всё ж таки с собой совладала: «Базарский товар! Много ли надо? Лишь бы гладко было... Неуж и того не осилю?»

Распилила Катя камешок. Видит – узор на редкость пришёлся, и как намечено, в котором месте поперёк отпилить. Подивилась Катя, как ловко всё пришлось. Поделила по-готовому, обтачивать стала. Дело не особо хитрое, а без привычки тоже не сделаешь. Помаялась сперва, потом научилась. Хоть куда бляшки вышли, а потери и вовсе нет. Только и в брос, что на сточку пришлось.

Наделала Катя бляшек, ещё раз подивилась, какой выходной камешок⁸¹ оказался, и стала смекать, куда сбыть поделку. Прокопъич такую мелочь в город, случалось, возил и там все в одну лавку сдавал. Катя много раз про эту лавку слыхала. Вот она и придумала сходить в город.

«Спрошу там, будут ли напередки мою поделку принимать».

Затворила избушку и пошла пешочком. В Полевой и не заметили, что она в город убралась. Узнала Катя, где тот хозяин, который у Прокопъича поделку принимал, и заявила прямо в лавку. Глядит полно тут всякого камня, а

---

⁸¹ Выходной камешок – такой камень, из которого выйдет украшение и не останется отходов.

малахитовых бляшек целый шкаф за стеклом. Народу в лавке много. Кто покупает, кто поделку сдаёт. Хозяин строгий да важный такой.

Катя сперва и подступить боялась, потом насмелилась и спрашивает:

– Не надо ли малахитовых бляшек?

Хозяин пальцем на шкаф указал:

– Не видишь, сколь у меня добра этого?

Мастера, которые работу сдавали, припевают ему:

– Много ноне на эту поделку мастеров развелось. Только камень переводят. Того не понимают, что для бляшки узор хороший требуется.

Один-то мастер из полевских. Он и говорит хозяину потихоньку:

– Недоумок эта девка. Видели её соседи за станком-то. Вот, поди, настряпала.

Хозяин тогда и говорит:

– Ну-ко, покажи, с чем пришла?

Катя и подала ему бляшку. Поглядел хозяин, потом на Катю уставился и говорит:

– У кого украла?

Кате, конечно, это обидно показалось. По-другому она заговорила:

– Какое твоё право, не знаючи человека, эдак про него говорить? Гляди вот, если не слепой! У кого можно столько бляшек на один узор украсть? Ну-ко, скажи! – и высыпала на прилавок всю поделку.

Хозяин и мастера видят – верно, на один узор. И узор редкостный. Будто из середины-то дерево выступает, а на ветке птица сидит и внизу тоже птица. Явственно видно и сделано чисто.

Покупатели слышали этот разговор, потянулись тоже поглядеть, только хозяин сразу все бляшки прикрыл. Нашёл заделье⁸².

---

⁸² Заделье – предлог, повод.

– Не видно кучей-то. Сейчас я их под стекло разложу. Тогда и выбирайте, что кому любо. – А сам Кате говорит: Иди вон в ту дверь. Сейчас деньги получишь.

Пошла Катя, и хозяин за ней. Затворил дверку, спрашивает:

– Почём сдаёшь?

Катя слыхала от Прокопьяича цены. Так и сказала, а хозяин давай хохотать:

– Что ты!.. Что ты! Такую-то цену я одному полевскому мастеру Прокопьяичу платил да ещё его приёмышу Данилу. Да ведь то мастера были!

– Я, – отвечает, – от них и слыхала. Из той же семьи буду.

– Вон что! – удивился хозяин. – Так это, видно, у тебя Данилова работа осталась?

– Нет, – отвечает, – моя.

– Камень, может, от него остался?

– И камень сама добывала.

Хозяин, видать, не верит, а только рядиться не стал. Рассчитался по-честному да ещё говорит:

– Вперёд случится такое сделать, неси. Безотказно принимать буду и цену положу настоящую.

Ушла Катя, радуется, – сколько денег получила! А хозяин те бляшки под стекло выставил. Покупатели набежали:

– Сколько?

Он, конечно, не ошибся, – в десять раз против купленного назначил да и наговаривает:

– Такого узора ещё не бывало. Полевского мастера Данилы работа. Лучше его не сделать.

Пришла Катя домой, а сама всё дивится:

– Вот штука какая! Лучше всех мои бляшки оказались! Хорош камешок попался. Случай, видно, счастливый подошёл. Потом и хватилась: – А не Данилушко ли это мне весточку подал?

Подумала так, скрутилась⁸³ и побежала на Змеиную горку.

А тот малахитчик, который хотел Катю перед городским купцом оконфузить, тоже домой воротился. Завидно ему, что у Кати такой редкостный узор получился. Он и придумал:

– Надо поглядеть, где она камень берёт. Не новое ли какое место ей Прокопъич либо Данило указали?

Увидел, что Катя куда-то побежала, он и пошёл за ней. Видит – Гумешки она обошла стороной и куда-то за Змеиную горку пошла. Мастер туда же, а сам думает: «Там лес. По лесу-то к самой ямке прокрадусь».

Зашли в лес. Катя вовсе близко и нисколько не сторожится, не оглядывается, не прислушивается. Мастер радуется, что ему так легонько достанется новое место. Вдруг в сторонке что-то зашумело, да так, что мастер даже испугался. Остановился. Что такое? Пока он так-то разбирался, Кати и не стало. Бегал он, бегал по лесу. Еле выбрался к Северскому пруду – версты, поди, за две от Гумешек.

Катя сном дела не знала⁸⁴, что за ней подглядывают. Забралась на горку, к тому самому месту, где первый камешок брала. Ямка будто побольше стала, а сбоку опять такой же камешок видно. Пошатала его Катя, он и отстал. Опять, как сучок, хрупнул. Взяла Катя камешок и заплакала-запричитала. Ну, как девки-бабы по покойнику ревут, всякие слова собирают:

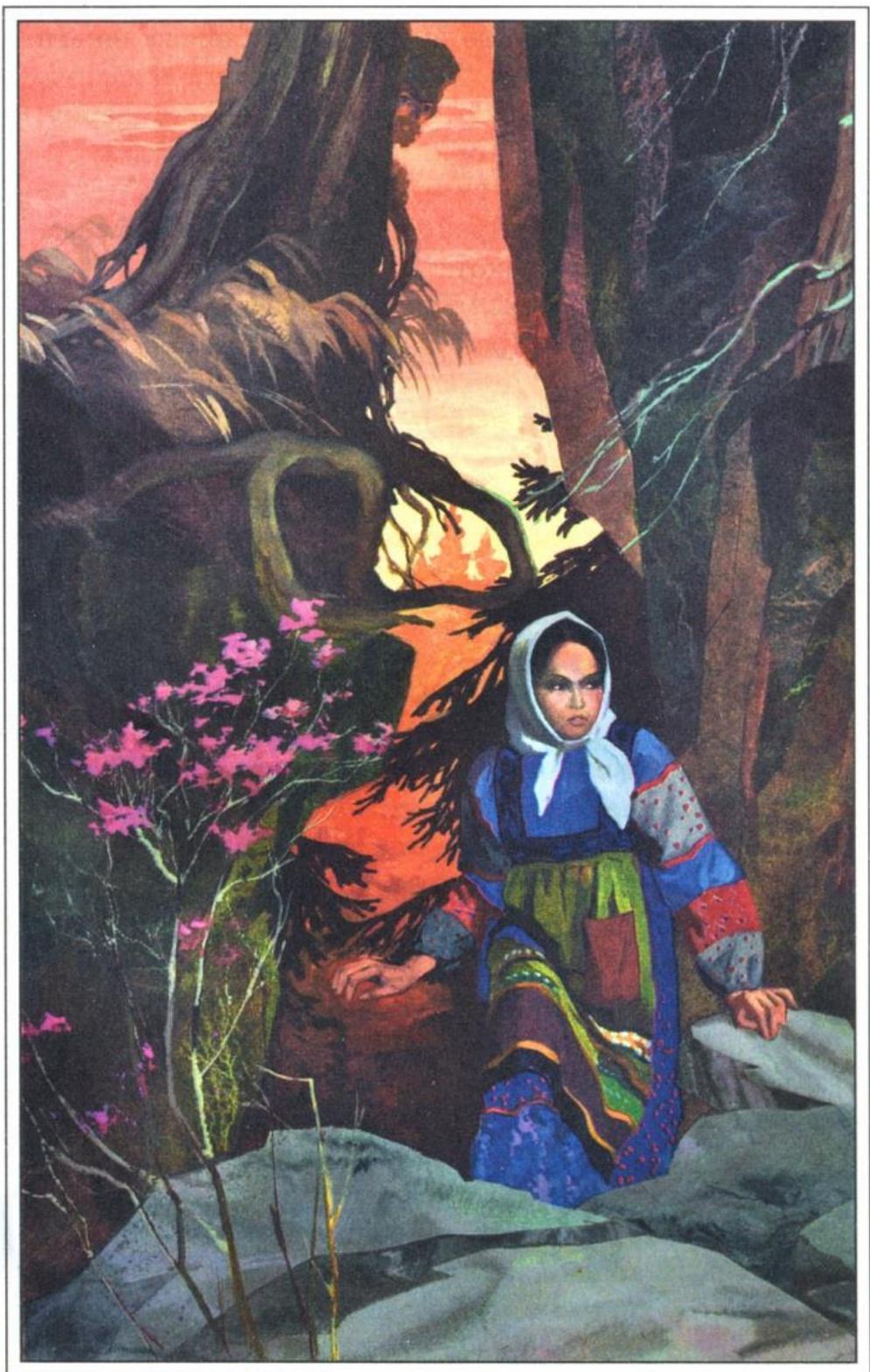
– На кого ты меня, мил сердечный друг, покинул, – и протча тако...

Наревелась, будто полегче стало, стоит – задумалась, в руднишную сторону глядит. Место тут вроде полянки. Кругом лес густой да высокий, а в руднишную сторону помельче пошёл. Время на закате. По низу от лесу на по-

---

⁸³ Скрутилась – торопливо, спешно собралась в путь.

⁸⁴ Сном дела не знать – даже не предполагать.

лянке темнеть стало, а в то место – к руднику солнышко пришлось. Так и горит это место, и все камешки на нём блестят.

Кате это любопытно показалось. Хотела поближе подойти. Шагнула, а под ногой и схрупало. Отдёрнула она ногу, глядит – земли-то под ногами нет. Стоит она на каком-то высоком дереве, на самой вершине. Со всех сторон такие же вершины подошли. В прогалы меж деревьями внизу видно травы да цветы, и вовсе они на здешние не походят.

Другая бы на Катином месте перепугалась, крик-визг подняла, а она вовсе о другом подумала:

«Вон она, гора, раскрылась! Хоть бы на Данилушку взглянуть!»

Только подумала и видит через прогалы – идёт кто-то внизу, на Данилушку походит и руки вверх тянет, будто сказать что хочет. Катя свету не взвидела, так и кинулась к нему... с дерева-то! Ну, а пала тут же на землю, где стояла. Образумилась да и говорит себе:

– Верно, что блазнить мне стало. Надо поскорее домой идти.

Идти надо, а сама сидит да сидит, всё ждёт, не вскроется ли ещё гора, не покажется ли опять Данилушко. Так до потёмок и просидела. Тогда только и домой пошла, а сама думает:

«Повидала всё-таки Данилушку».

Тот мастер, который за Катей подглядывал, домой к этому времени выбежал. Поглядел – избушка у Кати заперта. Он и притаился, – посмотрю, что она притащила. Видит – идёт Катя, он и встал поперёк дороги:

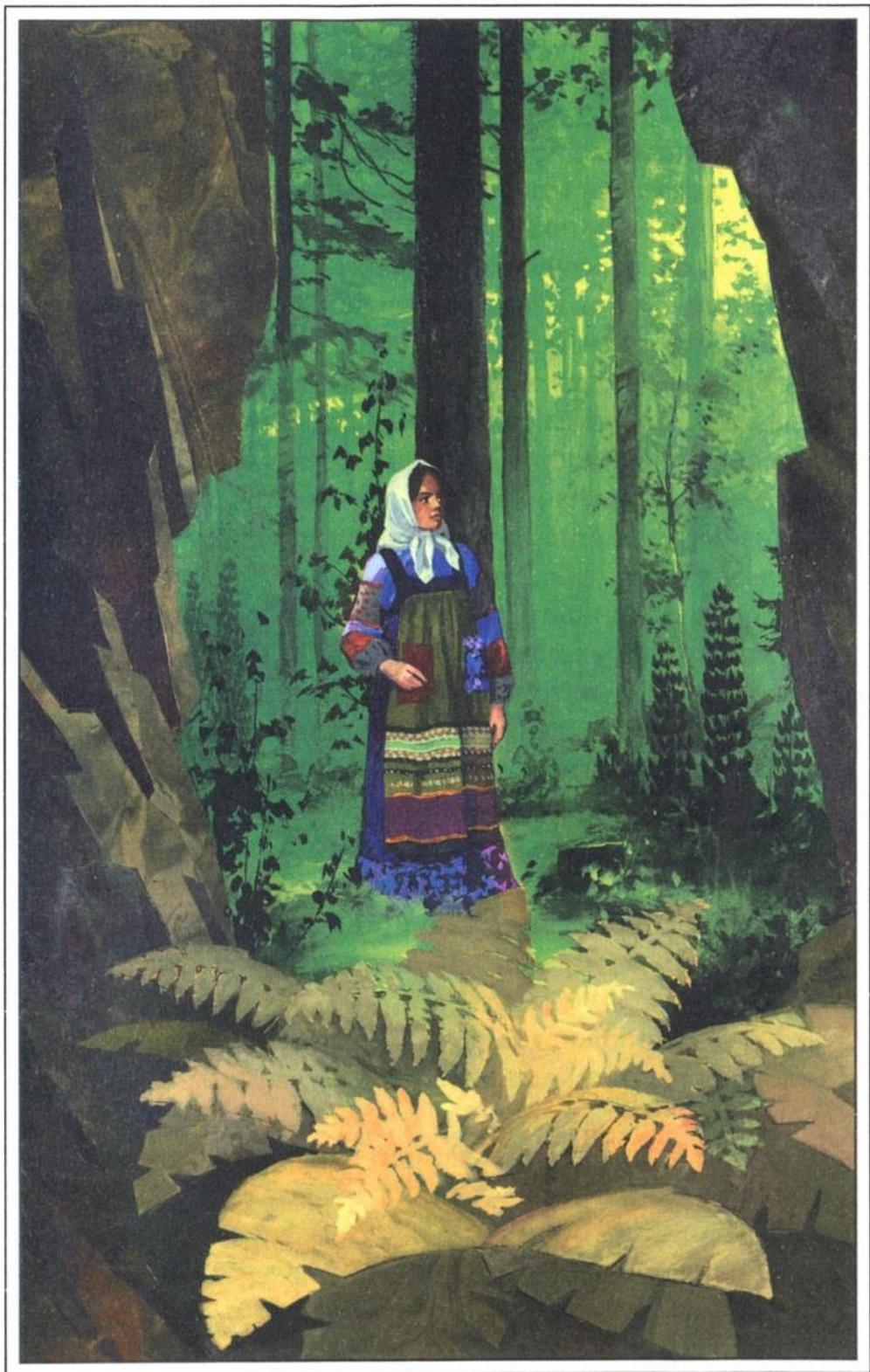
– Ты куда это ходила?

– На Змеиную, – отвечает.

– Ночью-то? Что там делать?

– Данилу повидать...

Мастер так и шарахнулся, а на другой день по заводу шепотки поползли:

– Вовсе рехнулась мертвякова невеста. По ночам на Змеиную ходит, покойника ждёт. Как бы ещё завод не подожгла, с малого-то ума.

Братья-сёстры прослышали, опять прибежали, давай строжить да уговаривать Катю. Только она и слушать не стала. Показала им деньги и говорит:

– Это, думаете, откуда у меня? У хороших мастеров не берут, а мне за перводелку столько отвалили! Почему так?

Братья слышали про её-то удачу и говорят:

– Случай счастливый вышел. О чём тут говорить.

– Таких, – отвечает, – случаев не бывало. Это мне Данило сам такой камень подложил и узор вывел.

Братья смеются, сёстры руками машут:

– И впрямь рехнулась! Надо приказчику сказать. Как бы всамделе завод не подожгла!

Не сказали, конечно. Постыдились сестру-то выдавать. Только вышли да и сговорились:

– Надо за Катериной глядеть. Куда пойдёт – сейчас же за ней бежать.

А Катя проводила родню, двери заперла да принялась новый-то камешок распиливать. Пилит да загадывает:

– Коли такой же издастся, значит, не поблазило мне – видала я Данилушку.

Вот она и торопится распилить. Поглядеть-то ей поскорее охота, как по-настоящему узор выйдет. Ночь уж давно, а Катя всё за станком сидит. Одна сестра проснулась в эту пору, увидела огонь в избе, подбежала к окошку, смотрит сквозь щёлку в ставне и дивится:

– И сон её не берёт! Наказанье с девкой!

Отпилила Катя досочку – узор и обозначился.

Ещё лучше того-то. Птица с дерева книзу полетела, крылья расправила, а снизу навстречу другая летит. Пять раз этот узор на досочке. Из точки в точку намечено, как поперёк распилить. Катя тут и думать не стала. Схватила да и побежала куда-то. Сестра за ней. Дорогой-то по-

стучалась к братьям – бегите, дескать, скорей. Выбежали братья, ещё народ сбили. А уже светленько стало. Глядят – Катя мимо Гумешек бежит. Туда все и кинулись, а она, видно, и не чувствует, что народ за ней. Пробежала рудник, потише пошла в обход Змеиной горки. Народ тоже призадержался – посмотрим, дескать, что она делать будет.

Катя идёт, как ей привычно, на горку. Взглянула, а лес кругом какой-то небывалый. Пощупала рукой дерево, а оно холодное да гладкое, как камень шлифованный. И трава понизу тоже каменная оказалась, и темно ещё тут. Катя и думает:

«Видно, я в гору попала».

Родня да народ той порой переполошились:

– Куда она девалась? Сейчас близко была, а не стало!

Бегают, суетятся. Кто на горку, кто кругом горки. Перекликаются друг с дружкой:

– Там не видно?

А Катя ходит в каменном лесу и думает, как ей Данилу найти. Походила-походила да и закричала:

– Данило, отзовись!

По лесу голк пошёл. Сучья запостукивали: «Нет его! Нет его! Нет его!» Только Катя не унялась:

– Данило, отзовись!

По лесу опять: «Нет его! Нет его!»

Катя снова:

– Данило, отзовись!

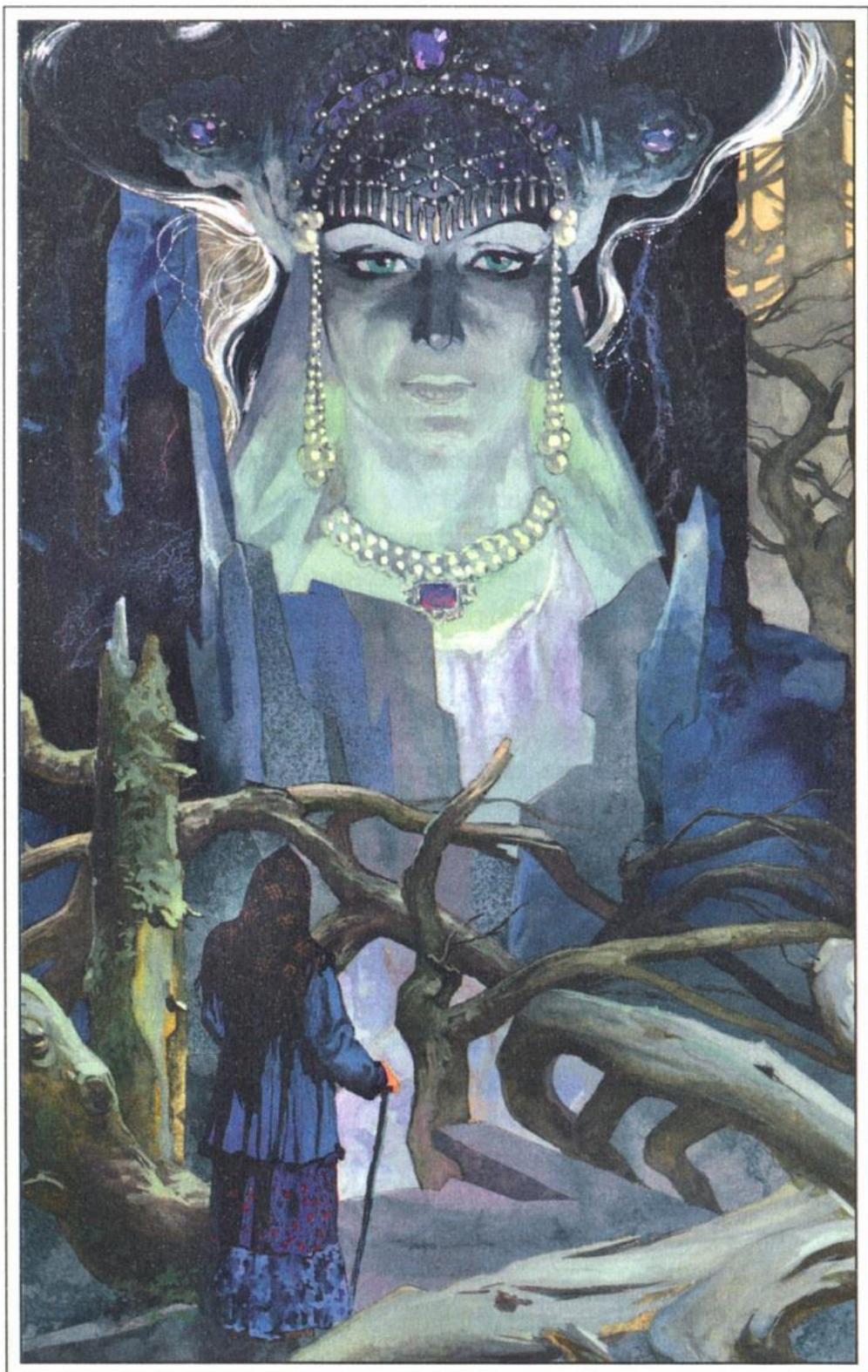
Тут Хозяйка горы перед Катей и показалась.

– Ты зачем, – спрашивает, – в мой лес забралась? Чего тебе? Камень, что ли, хороший ищешь? Любой бери да уходи поскорее!

Катя тут и говорит:

– Не надо мне твоего мёртвого камня! Подавай мне живого Данилушку. Где он у тебя запрятан? Какое твоё право чужих женихов сманивать?

Ну, смелая девка. Прямо на горло наступать стала. Это Хозяйке-то! А та ничего, стоит спокойненько:

– Ещё что скажешь?

– А то и скажу – подавай Данилу! У тебя он...

Хозяйка расхохоталась да и говорит:

– Ты, дура-девка, знаешь ли, с кем говоришь?

– Не слепая, – кричит, – вижу. Только не боюсь тебя, разлучница! Нисколечко не боюсь! Сколь ни хитро у тебя, а ко мне Данило тянется. Сама видала. Что, взяла?

Хозяйка тогда и говорит:

– А вот послушаем, что он сам скажет.

До того в лесу темненько было, а тут сразу ровно он ожил. Светло стало. Трава снизу разными огнями загорелась, деревья одно другого краше. В прогалы полянку видно, а на ней цветы каменные, и пчёлки золотые, как искорки, над теми цветами. Ну, такая, слышь-ко, красота, что век бы не нагляделся. И видит Катя – бежит по этому лесу Данило. Прямо к ней. Катя навстречу кинулась:

– Данилушко!

– Подожди, – говорит Хозяйка и спрашивает: – Ну, Данило-мастер, выбирай – как быть? С ней пойдёшь – всё моё забудешь, здесь останешься – её и людей забыть надо.

– Не могу, – отвечает, – людей забыть, а её каждую минуту помню.

Тут Хозяйка улыбнулась светленько и говорит:

– Твоя взяла, Катерина! Бери своего мастера. За удасть да твёрдость твою вот тебе подарок. Пусть у Данилы всё моё в памяти останется. Только вот это пусть накрепко забудет! – И полянка с диковинными цветами сразу потухла. – Теперь ступайте в ту сторону, – указала Хозяйка да ещё упредила: – Ты, Данило, про гору людям не сказывай. Говори, что на выучку к дальнему мастеру ходил. А ты, Катерина, и думать забудь, что я у тебя жениха сманивала. Сам он пришёл за тем, что теперь забыл.

Поклонилась тут Катя:

– Прости на худом слове!

– Ладно, – отвечает, – что каменной сделается! Для тебя говорю, чтоб остуды⁸⁵ у вас не было.

Пошли Катя с Данилой по лесу, а он всё темней да темней, а под ногами неровно – бугры да ямки. Огляделись, а они на руднике – на Гумешках. Время ещё раннее, и людей на руднике нет. Они потихоньку и пробрались домой. А те, что за Катей побежали, всё ещё по лесу бродят да перекликаются:

– Там не видно?

Искали-искали, не нашли. Прибежали домой, а Данило у окошка сидит.

Испугались, конечно. Чураются, заклятья разные говорят. Потом видят – трубку Данило набивать стал. Ну и отошли.

«Не станет же, – думают, – мертвяк трубку курить».

Подходить стали один по одному. Глядят – и Катя в избе. У печки толкошится, а сама веселёхонька. Давно её такой не видали. Тут и вовсе осмелели, в избу вошли, спрашивать стали:

– Где это тебя, Данило, давно не видно?

– В Колывань, – отвечает, – ходил. Прослышал про тамошнего мастера по каменному делу, будто лучше его нет по работе. Вот и захотило поучиться маленько. Тятенька покойный отговаривал. Ну, а я посамовольничал – тайком ушёл, Кате вон только сказался.

– Пошто, – спрашивают, – чашу свою разбил?

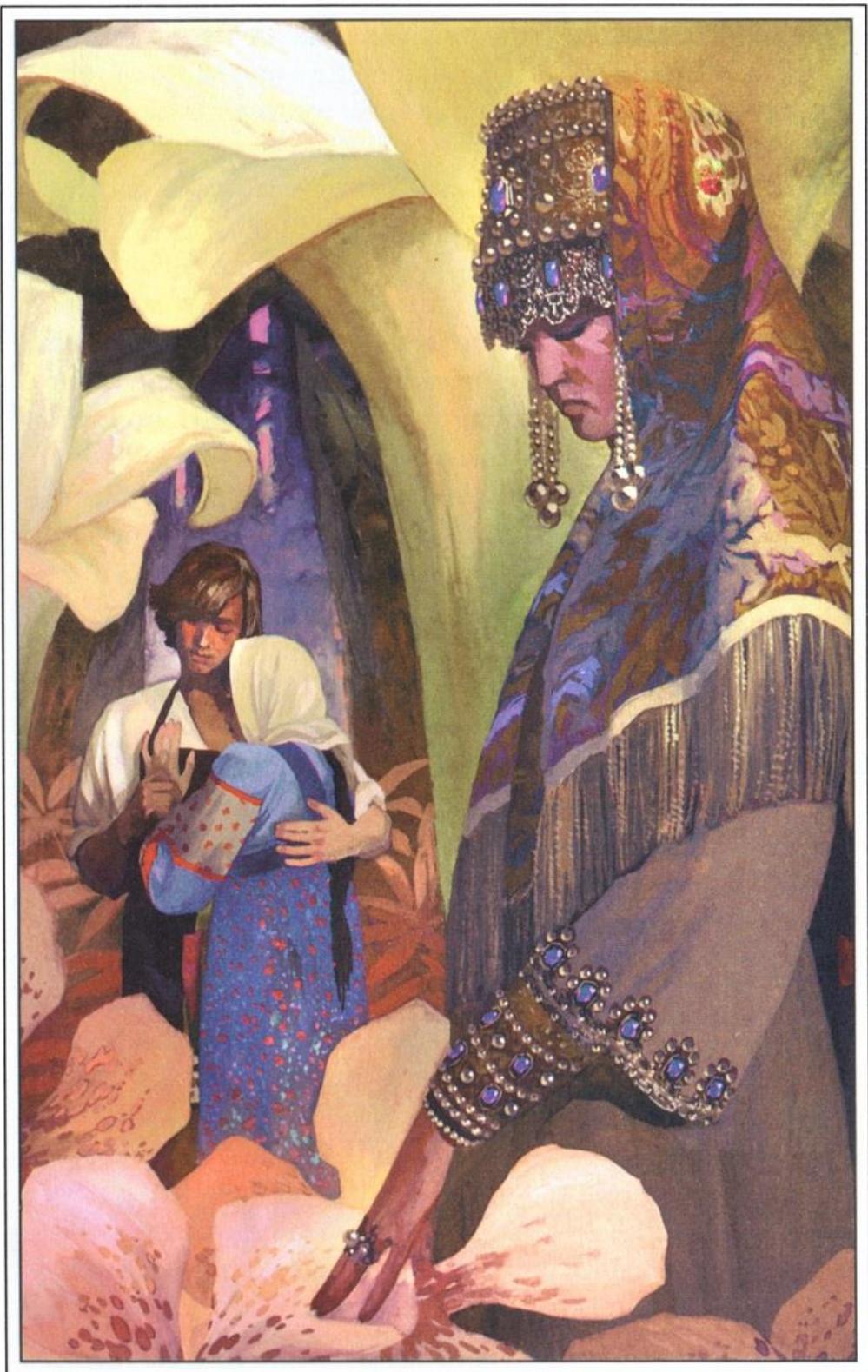
– Ну, мало ли... С вечёрки пришёл... Может, выпил лишка... Не по мыслям пришлась, вот и ахнул. У всякого мастера такое, поди, случалось. О чём говорить.

Тут братья-сёстры к Кате приступать стали, почему не сказала про Колывань-то. Только от Кати тоже немного добились. Сразу отрезала:

– Чья бы корова мычала, моя бы молчала. Мало я вам

---

⁸⁵ Остуда – охлаждение приязни, размолвка.

сказывала, что Данило живой. А вы что? Женихов мне подсовывали да с пути сбивали! Садитесь-ко лучше за стол. Испеклась у меня чирла-то⁸⁶.

На том дело и кончилось. Посидела родня, поговорила о том, другом, разошлась. Вечером пошёл Данило к приказчику объявиться. Тот пошумел, конечно. Ну, всё-таки уладили дело.

Вот и стали Данило с Катей в своей избушке жить. Хорошо, сказывают, жили, согласно. По работе-то Данилу все горным мастером звали. Против него никто не мог сделать. И достаток у них появился. Только нет-нет и задумается Данило. Катя понимала, конечно, – о чём, да помалкивала.

---

⁸⁶ Чирла – яичница, скороспелка, глазуня (от звука, который издают выпускаемые на горячую сковородку яйца).

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДНОЙ ГОРЫ ХОЗЯЙКА

МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

ГОРНЫЙ МАСТЕР

Серия «Школьная библиотека»

Бажов Павел Петрович

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

*Книжное литературно-художественное издание
для детей среднего школьного возраста*

Художник

Назарук Вячеслав Михайлович

Главный редактор А.Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка И.Я.Николаенко
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Подписано в печать 19.04.2016.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 5.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 16 000 экз. Заказ № 4221

ООО «Самовар-книги»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51.

© П.П.Бажов,

наследники, текст.

© В.М.Назарук, иллюстрации.

© ООО «Самовар-книги»,

серийное оформление.

Артикул К-ШБ-75
ISBN 978-5-9781-0987-0

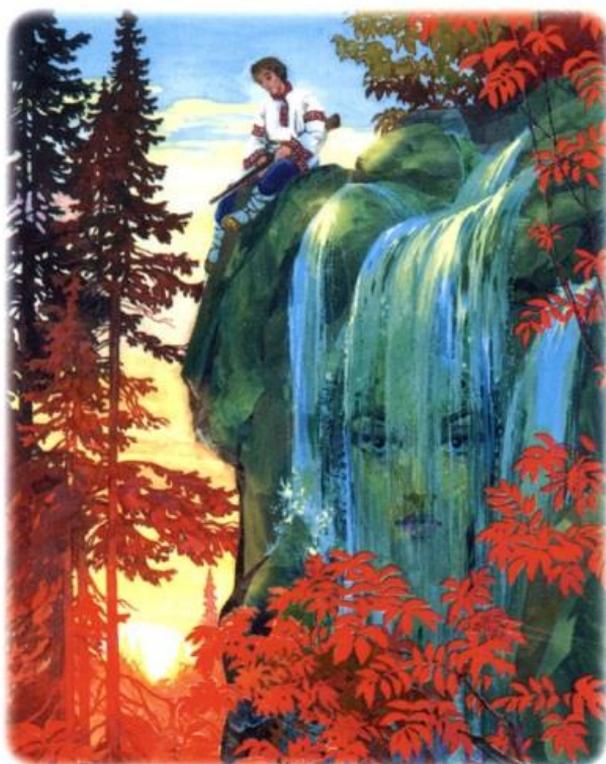

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Вячеслав Назарук

9 785978 109870 >